

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 1.

ЖЕНСКІЙ ПРОЦЕССЪ.

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Я. П. ДЕМЕНТЬЕВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ УГРЮМОВЪ, помѣщикъ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА, его жена.

КАТЯ, ихъ дочь, институтка.

АЛЕНА ПЕТРОВНА, его сестра.

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ СКВОРЦОВЪ, молодой человекъ.

ТИМОФЕНЧЪ, старый слуга Угрюмовыхъ.

ТЕРЕНТІЙ, лакей въ ихъ домѣ.

МАТРЕНА, мызница.

Лакеи, горничныя, крестьяне и крестьянки.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, лѣтомъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ВИЗИТЪ И ПИСЬМО.

Хорошо-убранная комната съ тремя дверьми: посерединѣ, направо и налѣво, и съ двумя по сторонамъ окнами.

1.

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ и ТИМОФЕНЧЪ. Они разговариваютъ за кулисами и входятъ въ среднія двери.

Тимофенчъ. Ну, какъ же тутъ съ разу-то узнать! Прошу покорно! нашъ сосѣдъ, землякъ, то есть, просто СергѢй Ивановичъ!.. Ахъ, я старый — старій! И диви бы слѣгъ былъ, а то вѣдь... смотрю, смотрю—и всё не въ догадъ. Эхъ, то есть...

СергѢй Ивановичъ. Не мудрено Тимофенчъ, вѣдь СергѢй-то Ивановичъ, *то есть*, измѣнился немножко.

Тимофенчъ. Немножко... Какое вамъ немножко! Вы, сударь, просто, то есть... Ахъ ты, Господи Боже мой, времечко—то что значить! Вѣдь, правду сказать, вотъ какимъ мелюзгой уѣхали вы, сударь, а теперича — звося, какой — разлихой!

СергѢй Ивановичъ. Вижу, вижу, старина, что ты все тотъ же краснойбай и болтунъ.

Тимофенчъ. Ни, ни, ни, не тотъ ужъ я сталъ, на половину не тотъ, совсѣмъ, то есть, не тотъ...

СергѢй Ивановичъ. Полно, однакожъ, Тимофенчъ, поди-ка, лучше, доложу обо мнѣ.

Тимофенчъ. Пду, пду (*идетъ къ дверямъ направо и, остановившаясь, про себя*). Экое, то есть, забытье у меня: изъума вошь, что барыня—то ускакала въ судъ, по ихнему проклятому спору... Что тутъ прикажите сказать нашему молодцу?!

СергѢй Ивановичъ. Ну, что же ты раздумываешь, Тимофенчъ?

Тимофенчъ. Пду, пду... (*уходитъ въ двери налѣво*).

II.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ одинъ.

Здѣсь все также, какъ и было; все, кажется, по прежнему, безъ особыхъ переменъ... Встрѣчу ли только прежнее расположеніе въ хозяйствѣ? . Впрочемъ, я хорошо помню, это были люди радушные, добрые... А черноглазенькая Катенька?.. Какъ сейчасъ гляжу: головка кудрявенькая, звонкій смѣхъ, рѣзвость, живость... И какъ она привязана была ко мнѣ!.. Да, я воображаю, что за красавицу увижу!.. Ахъ, много прекраснаго въ воспоминаніяхъ о дѣтствѣ, о минувшемъ дѣтствѣ!.. О минувшемъ?.. А будто мы не дѣти—теперь, въ какія-нибудь двадцать лѣтъ?.. Тѣ же дѣти, только съ панирской въ зубахъ вмѣсто конфеты.

III.

Тимофенчъ. Егоръ Петровичъ сію-минуту выдуть, просить обождать (*уходитъ*).

IV.

Сергѣй Ивановичъ, (*въ раздумьи*). Просить обождать!.. А почему же не позвалъ къ себѣ, въ кабинетъ?.. Что это?.. холодность, церемонія?..

V.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ и ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Егоръ Петровичъ. Сережа!.. голубчикъ!.. Тьфу, что я! Сергѣй Ивановичъ!.. Давно ли въ нашихъ краяхъ, Сергѣй Ивановичъ?

Сергѣй Ивановичъ. Мнѣ было бы пріятнѣе, если бы вы называли меня попросту — Сережей...

Егоръ Петровичъ. Нельзя, Сергѣй Ивановичъ, неприлично.

Сергѣй Ивановичъ. Отчего же неприлично?

Егоръ Петровичъ. Садитесь-ка, садитесь, Сергѣй Ивановичъ.

Сергѣй Ивановичъ. Нѣтъ, не сяду, до-тѣхъ-поръ не сяду, пока не бросите церемоній, и даже — извините — уйду.

Егоръ Петровичъ. Вишь, какой упрямый! Точь-въ-точь, какъ былъ ребенкомъ!.. Не хорошо, голубчикъ Сережа!..

Сергѣй Ивановичъ. Вотъ теперь я сяду.

Егоръ Петровичъ. Ну, что, Сережа кончилъ курсъ?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Кончилъ.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. И на славу?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Слава-Богу, благополучно.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Ну, вотъ и чудесно. Поздравляю, отъ души поздравляю. Когда же ты изъ Москвы?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Вчера.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. О?! А сегодня ужъ и по гостямъ!

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. А сегодня я по гостямъ, и къ первымъ къ вамъ, какъ ближайшему сосѣду по имѣнію, а главное — какъ къ лучшему и старинному другу моего батюшки. Кстати, батюшка посылаетъ вамъ поклонъ.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Спасибо, дружокъ, спасибо.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Поклонъ и...

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. И что еще?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. И... самый пѣжный упрекъ...

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Ого!..

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Да... Отпуская меня къ вамъ, батюшка сказалъ: «напомни, Сережа, моему другу, моему *старому другу, Егорушкѣ*» батюшка такъ называетъ васъ... .

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Знаю, знаю... Такъ что же такое—напомни?..

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. «Позабылъ меня — батюшка говоритъ — совсемъ, говоритъ, позабылъ»...

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Я.. чтобъ я позабылъ моего искренняго друга, моего Ваню, однокашника, однополчанина!.. Да за что же такъ!.. Да вѣдь онъ... я... мы... однокорытники! да вѣдь мы вмѣстѣ бѣли и рубились, ссорились и мирились!.. да вѣдь мы вмѣстѣ... у насъ было все пополамъ!.. ну, да просто-на-просто, жили душа въ душу!.. Вотъ оно что!.. А ты говоришь... онъ говоритъ... да ты-то что говоришь!.. (*увлекался*). Нѣтъ, братъ Ваня, шутишь!.. твоя дружба, твое имя... ну, да весь ты, Ваня, — вотъ, тутъ, не различно (*указывая на сердце*). Пусть оно сперва высохнетъ! Нѣтъ пріятель—врешь! не забыть мнѣ тебя ни-во-вѣки вѣковъ! — да!.. Охъ, только еслибъ не жена...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Что вы сказали?..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ, (*спохватясь*). Э... ну... да... видишь ли что, Сережа... жена моя... я говорю—Марья Семеновна... она, видяшь, уѣхала въ городъ... маленькія дѣляшки... дрянныя, знаешь, дѣляшки, по имѣнію... я всегда прочь отъ дѣляшекъ. . Ну, конечно,

она скоро вернется... впрочемъ, все равно... (*всторону*). Экъ я перепутался, прахъ побери!

Сергѣй Ивановичъ (*всторону*). Старикъ что-то скрываетъ... упомянулъ о жемѣ... Батюшка то же что-то не разговорчивъ на ихъ счетъ... Тутъ что-нибудь да есть (*вынимаетъ изъ кармана письмо и про себя*). Не скажетъ ли оно чего-нибудь?... (*къ Егору Петровичу*). Батюшка приказалъ мнѣ отдать Марьѣ Семеновнѣ вотъ это письмо. Вы говорите — она уѣхала, такъ не потрудитесь ли?... (*отдаетъ письмо*).

Егоръ Петровичъ (*вертя письмо*). Что бы это значило такое?... Онъ, отецъ-то твой... не говорилъ ли при этомъ чего-нибудь такого...

Сергѣй Ивановичъ. Ничего; велѣлъ только отдать и получить отвѣтъ, если будетъ отвѣтъ.

Егоръ Петровичъ. Такъ, такъ... да жаль, что не на мое имя, не лзя распечатать. Впрочемъ, Марья Семеновна, того-п-смотри подѣдегъ... (*Особо*). Что бы это такое?..

Лакей (*вбѣгая*). Барыня изволили пріѣхать.

Егоръ Петровичъ (*струся и отдавая письмо*). Ну, вотъ, легка на поминѣ. Знаешь ли, Сережа, отдай-ка самъ лично: оно вѣдь такъ и слѣдуетъ, да и въ порядкѣ. Пожалуй, еще жена подумаетъ, что я распрашивалъ, любопытствовалъ... мало ли что!.. отдай-ка письмо-то самъ.

Сергѣй Ивановичъ. Извольте (*особо*). Право, какъ-то странно все это слышать.

(*За кулисами слышенъ голосъ Марьи Семеновны*).

Егоръ Петровичъ (*особо*). Ну, поѣхала!.. Теперь хоть къ дому — такъ въ ту же пору.

VI.

Среднія двери открываются настежь; шумъ усиливается; Марья Семеновна, въ прихожей, обращаясь къ слугамъ и служанкамъ: «Я тебѣ говорю въ послѣдній разъ, слышишь?.. А ты, востроглазая, не думай у меня оправдываться; знаю я тебя... Всѣ вы... только даромъ хлѣбъ ѣдите... Барыня для васъ ни почему — хуже мочалки...» Егоръ Петровичъ въ это время суетится, перебѣгая отъ дверей къ дверямъ, останавливаясь, наконецъ, у среднихъ съ правой стороны. Сергѣй Ивановичъ находясь на лѣвой, вполголоса, особо: «Э! такъ вотъ оно здѣсь какъ!..»

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*въ дверяхъ, къ мужу*). Что это, батюшка Егоръ Петровичъ, шагу изъ дому не лъзя сдѣлать: весь домъ вверхъ дномъ. Рѣшительно, вы перепортили всѣхъ людей.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (*къ ней, рекомендуя*), Сережа Скворцовъ...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*не взглянувъ*). Ктѣ? Чтѣ?

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Сергѣй Ивановичъ Скворцовъ... вотъ, посмотри.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*входя въ комнату*). Ахъ, Богъ мой!.. извините, пожалуйста... За дѣломъ не вдругъ замѣтила... А! такъ это объ васъ-то мнѣ внизу докладывали!?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Можетъ быть, сударыня.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Да, да... Да какой же вы молодчикъ, красавчикъ!..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Вчера только изъ Москвы... курсъ кончилъ... докторомъ сдѣлаея, профессоромъ...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Вотъ!.. похвально, похвально...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Но эту похвалу я не беру на свой счетъ; Егоръ Петровичъ шутить...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Скажите же, пожалуйста, господинъ докторъ, или профессоръ... какими судьбами, какому случаю обязанности мы вашимъ посѣщеніемъ?

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Просто — визитъ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*къ мужу, строго*). Не васъ спрашиваютъ.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Дѣйствительно, сударыня, послѣ долгаго отсутствія, я желалъ васъ видѣть прежде, чѣмъ другихъ сосѣдей... Я живо помню ваши ласки, вашу доброту...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. О, да, я всегда была добра и ласкова... да!.. и это съ вашей стороны очень нѣжно, вѣжливо .. я, конечно, и теперь рада, но... но развѣ вы ничего не знаете?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Чтѣ же я долженъ знать?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Развѣ батюшка вашъ ничего вамъ не говорилъ... напримѣръ, про меня!..

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Ничего; но узнавъ, что я їду къ вамъ, онъ поручилъ мнѣ доставить вамъ вотъ это письмо.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Письмо?! Ко мнѣ! отъ вашего батюшки?.. Вотъ неожиданность!.. Ужъ не предлагаетъ ли онъ мнѣ любовную сдѣлку!.. или мировую!.. на выгодныхъ для меня условіяхъ?!..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (*особо*). Ну, не быть добру.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Извините, я васъ не понимаю.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Нѣтъ, я ни сдѣлокъ, ни мировыхъ не ищу и не желаю. Онъ — самъ по себѣ, а я — сама по себѣ. Дѣ-съ!

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Повторяю, сударыня, ваши слова для меня загадка.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Такъ знайте же, молодой человекъ: вашъ отецъ — мой личный врагъ! . А! васъ это пзвѣстiе поражаетъ?.. Но правда ли, вамъ кажется страннымъ, какъ, послѣ столькихъ лѣтъ мирнаго сосѣдства, мы сдѣлались врагами?! Это очень просто. — Онъ, вашъ отецъ, съ которымъ мы двадцать лѣтъ водили хлѣбъ-соль, съ которымъ двадцать лѣтъ жили, какъ добрѣйшiе сосѣди, съ которымъ... о, да что и говорить, — онъ, вашъ отецъ... разворилъ меня, ограбилъ...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Мой отецъ?!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Да, вашъ отецъ.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Но, послушайте, Марья Семеновна.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Сдѣлайте милость, не мѣшайте не въ свое дѣло. Если вамъ неприятно слышать правду — можете уйти, — я даже прошу васъ объ этомъ.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (*особо*). Экая злая женщина! (*махнувъ рукою, уходитъ въ свою комнату*).

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Мужъ мой — человекъ слабый, неповоротливый, да я-то не дура; я не махну рукою, коли меня задѣли за живое; я дамъ отпоръ, даромъ — что женщина.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Но позвольте...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Нѣтъ, ужъ вы позвольте, молодой человекъ... Я сейчасъ изъ суда... да, изъ суда — не удивляйтесь. Миѣ объявили, что я проиграла дѣло. Хорошо, пусть я проиграла въ одномъ мѣстѣ (*разгорячалась*), пусть проиграю въ другомъ, въ третьемъ, въ десятомъ, въ двадцатомъ... я не испугаюсь.. я пойду дальше, подамъ жалобу выше.. меня не останавливать препятствiя... ни какiя не останавливать... Я докажу моему сопернику, что я не трусиха какая нибудь... я, слава Богу, не безъ добрыхъ людей: они миѣ помогутъ...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Но что же сдѣлалъ вамъ мой отецъ?..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*все болѣе разгорячалась*). Что сдѣлалъ!.. Вамъ, молодой человекъ, угодно знать, что онъ сдѣлалъ?.. Онъ... отнялъ у меня имѣнiе, превосходное имѣнiе... лѣсъ, пашни, сѣнокосъ... понимаете ли, даже и сѣнокосъ!.. все это было мое, всемъ этимъ я владела 100, 1000 лѣтъ!.. А онъ отнялъ.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Этого быть не можетъ... отецъ мой не способенъ...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*почти выходя изъ себя*). Это есть...

вашъ отецъ способенъ... но этого не будетъ!.. я дойду до того, что этого не будетъ—слышите ли, не будетъ! Помилуйте, да что же это такое?.. У меня тащить изъ-подъ носа имущество — а я молчи!.. Я владѣю имѣниемъ безспорно нѣсколько десятковъ лѣтъ, — а у меня отнимаютъ его въ одинъ день!. Да послѣ этого лучше не жить на бѣломъ свѣтѣ!.. У васъ, въ вашемъ полѣ, въ вашемъ домѣ, въ вашемъ хозяйствѣ стацуть распорядиться сосѣди! да это изъ-рукъ-вои!.. О, я понимаю, я хорошо понимаю: дай только вамъ волю, будь такой же мокрой курицей, какъ мой муженекъ, такъ того и смотри,—что вы садите мнѣ вотъ куда (*показывая на-голову*), да и прихлопните, да и притопчите!.. А! вашъ батюшка вздумалъ подсылать ко мнѣ записочки, вздумалъ соглашать меня на миръ, когда самъ же подвѣялъ войну.. и противъ кого же?.. (*съ досады чуть не плачетъ*). Противъ женщины беззащитной, слабой, хворой...

Сергѣй Ивановичъ (*особо*). Ай-да хвора! (*къ ней*) Сударыня! Все, что я сейчасъ слышалъ, меня чувствительно огорчаетъ, но обратитесь къ письму; можетъ быть оно...

Марья Семеновна. Вотъ оно — возьмите его (*бросаетъ на столъ*), не стану, не хочу, не могу читать!.. Между нами все конечно. Насъ разберетъ судъ, слышите ли, судъ!.. (*быстро уходитъ направо, хлопнувъ дверью*).

VII.

Сергѣй Ивановичъ (*одинъ*). Въ себя не приду. Неужели это правда?.. Неужели отецъ мой?.. О, нѣтъ, нѣтъ, ни на одну мпину не допущу себѣ такой мысли... (*идетъ къ дверямъ*).

VIII.

Егоръ Петровичъ (*отворяя свою комнату, поспѣшиваетъ къ Сергѣю Ивановичу и вполголоса*) Сережа! Сережа! постой, выслушай!.. это я, не бойся... Слушай: не вѣрь ты, пожалуста, ни на каплю не вѣрь... все вздоръ и пустяки... Одна она виновата... Моя жена, не знаю, когда... ну, пожалуй—что... лѣтъ такъ будетъ съ восемь, а можетъ и больше... завладѣла частію вашего имѣнія... ну, или лѣса... такъ, знаешь, по ошибкѣ .. ну, ионимаешь... такая пришла глупая фантазія...

Сергѣй Ивановичъ. А!..

Егоръ Петровичъ. Ну, вотъ это и обнаружилось... фантазія

разыгралась; отецъ твой сталъ требовать, жена не уступала... и тутъ-то загорѣлось дѣло (чтобъ чортъ его побралъ). Я не могъ вмѣшиваться — имѣніе не мое, все ей принадлежитъ. Но погоди, я надѣюсь, будетъ все по прежнему, по старому, пусть только пріѣдетъ моя Катя...

Сергѣй Ивановичъ. Ахъ, Боже мой, ваша дочь... я объ ней и не спрошу: гдѣ же она?..

Егоръ Петровичъ. Въ Петербургъ, скоро пріѣдетъ... на дняхъ, много-что черезъ недѣлю, а можетъ быть и завтра... ждемъ съ часу на часъ... и тогда... ну, да что впередъ загадывать... пождемъ... А между-тѣмъ, знаешь что, Сережа?.. Дай-ка письмеццо мнѣ.

Сергѣй Ивановичъ. Его не приняли, я долженъ отдать батюшкѣ.

Егоръ Петровичъ. Эхъ, братецъ, не дурачься, дай мнѣ — да и все тутъ.

Сергѣй Ивановичъ. А что же я скажу дома, батюшкѣ...

Егоръ Петровичъ. Скажи... ну, скажи, что отдалъ... мнѣ отдалъ... скажи, что Марью Семеновну не видалъ.. Э, ну, да придумавай что-нибудь.

Сергѣй Ивановичъ. Къ чему же все это поведетъ?

Егоръ Петровичъ. А къ тому, что... ну, да я знаю къ чему. Ну, давай, давай, не упрямься.

Сергѣй Ивановичъ. Не знаю, право, хорошо ли это...

Егоръ Петровичъ. Хорошо, хорошо... Давай же поскорѣй.

Сергѣй Ивановичъ. Такъ и быть, пусть будетъ по вашему (*отдаетъ письмо*).

Егоръ Петровичъ. Вотъ и прекрасно. Теперь прощай Сережа, до свиданія; не сердись... скажи отцу, что я заѣду къ нему, заѣду непременно... Дѣла поправятся, переменятся — въ этомъ я увѣренъ.. Пусть только моя Катя.. я на нее надѣюсь... ну, прощай, прощай... Но смотри—ни полслова отцу о встрѣчѣ... (*указываетъ на комнату жены*).

Сергѣй Ивановичъ. Повинуюсь—по необходимости (*уходитъ*).

IX.

Егоръ Петровичъ (*одинъ*). Ухъ, батюшки мои, какъ она его!.. Вотъ женщина!.. А?.. Ну, да ничего; по-крайней-мѣрѣ я-то

взялъ свое (*хлопая по письму*). А ужъ тутъ—я предчувствую—на-вѣрное развязка этой многолѣтней дурацкой путаницы.. О, я знаю моего друга, Ваню!.. (*указывая на комнату жены*). А вѣдь все вотъ она!.. И не грѣшио вамъ, сударыня!.. Такъ вотъ, на зло же вамъ, прочту и все узнаю, все!.. Семирамида вы, сударыня, настоящая Семирамида!..

Х.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ и МАРЬЯ СЕМЕНОВНА, быстро отворившая
двери и обѣившая тѣмъ своего мужа.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Что такое вы сказали?.. а?.. что такое?..

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ (*особо*). Вотъ тебѣ и разъ!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Такъ я, по вашему, Семирамида? а? Семи-рамида?!

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ (*улымаясь*). Хе, хе, хе... Марья Семеновна, я думалъ... вы тамъ нишите...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Да знаете ли вы, ктѣ такая была Семирамида?..

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ (*по презрѣнью*). Право, я думалъ, что вы шшете...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Прошу покорно!.. я—Семирамида!?!.. Да вы—то кто такой?!.. И что у васъ за мечты такія! Откуда все эти надежды; съ чего все эти предположенія на счетъ нашей дочери?!.. а?..

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Вспомните, Марья Семеновна, старое. Развѣ не вы сами, развѣ не все мы вмѣстѣ желали породниться?..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Чтобы я породнилась съ человѣкомъ, который ославилъ меня по цѣлому уѣзду, по всей губернии, между всеми дворнягами, сосѣдами, помѣщиками!.. Да вы, голубчикъ, съума сошли, да!.. И теперь, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, стакиваетесь съ мальчишкой, наговариваете на жену!.. Помвално, оченъ-оченъ похвально! Ай-да мужецкъ!..

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Но разсуди...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Молчите, сударь, да выбросьте дурь—то изъ головы: мнѣ стыдно за васъ!.. Семирамида!.. И какъ у васъ языкъ—то... Гмъ!.. Отдайте мнѣ письмо.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Какое письмо, Марья Семеновна?..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. А вотъ то, которое вы спрятали сейчасъ въ задній карманъ.

Егоръ Петровичъ. Полноте шутить, Марья Семеновна...

Марья Семеновна. Пожалуйте письмо.

Егоръ Петровичъ. Но откуда вы взяли, будто я...

Марья Семеновна. Подайте письмо, говорю я вамъ.

Егоръ Петровичъ. А если не отдамъ?..

Марья Семеновна. И вы осмѣлитесь это сдѣлать! Да отъ васъ ли я слышу! Какъ! промѣнять жену на своего пріятеля, на этого...

Егоръ Петровичъ. Подумайте, Марья Семеновна, вѣдь онъ человекъ добрый, чувствительный .. онъ, можетъ быть, предлагаетъ... я даже увѣренъ, что онъ предлагаетъ...

Марья Семеновна. Не хочу ни какихъ предложеній, ничего не хочу слышать — слышите ли? Я обижена, раззорена... подайте сейчасъ письмо, или я... О, какъ я несчастна!.. Мало того, что на сторонѣ враги, — у себя, въ собственномъ домѣ, нѣтъ покою, нѣтъ воли...

Егоръ Петровичъ. (*особо*). Чтѣ тутъ прикажите дѣлать!

Марья Семеновна. Въ послѣдній разъ! отдадите письмо, или нѣтъ? а?

Егоръ Петровичъ. (*съ досадою и поспѣшно*). Извольте: по крайней мѣрѣ прочтите, сообразите.

Марья Семеновна. О, непременно. (*срываетъ печать, бросаетъ конвертъ и рветъ письмо на мелкіе кусочки*). Вотъ вамъ и соображеніе!.. Когда встрѣтитесь съ вашимъ пріятелемъ, — передайте ему, что вы видѣли: это мой отвѣтъ (*уходитъ на свою половину, сильно хлопнувъ дверью*).

XI.

Егоръ Петровичъ. (*одинъ, подбирая торопливо лоскутки письма*). Охъ, охъ, охъ!... Ну какъ же не сказать, что она — чистѣйшая Семирамида!

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ПРІВЗДЪ.

Комната роскошная; у одного изъ оконъ поставлена зрительная труба, около стѣны рояль, Егоръ Петровичъ въ халатъ, пьетъ чай съ сухарями, около него стоитъ Тимофенчъ. Слуги и служанки поминутно перебиваютъ изъ дверей въ двери.

I.

Егоръ Петровичъ. Такъ ты думаешь, Тимофенчъ, что... когда пріѣдетъ моя дочь, тогда...

Тимофенчъ. Удостоверительно чувствую, батюшка Егоръ Петровичъ, — все исправится и благополучно окончится, то есть, все хорошо кончится. Ужъ повѣрьте моему слову... Ну, да къ чему тутъ много говорить! Пусть только пріѣдетъ барышня—вы сами, то есть, увидите.

Егоръ Петровичъ. Но жена моя, жена то, братецъ, моя, вѣришь ли ты, рѣшительно не хочетъ мириться; просто на дыбы.

Тимофенчъ. Помирится, батюшка Егоръ Петровичъ, помирится, т. е. вотъ какъ помирится! О-го-го, то есть!

Егоръ Петровичъ. *(къ горничнымъ дѣвушкамъ, которыя сталкиваются съ слугами и громко смѣются, не обращая вниманія на барина).* Шипъ вы!.. дурачье! . *(къ Тимофенчу).* Но, наконецъ, почему ты думаешь, что молодой Скворцовъ и моя Катя, которую онъ не видалъ ..

Тимофенчъ. Сойдутся, батюшка Егоръ Петровичъ, то есть посмотрите, какъ крѣпко сойдутся: вѣдь они, если вы вспомните — да и какъ не вспомнить — съизмалѣтства почитались женихомъ да невѣстой, такъ ужъ теперь какъ же иначе! да навѣрно же и вспомнить сейчасъ другъ дружку; лишь дай имъ встрѣтиться...

Егоръ Петровичъ. Встрѣтятся!?!.. Вотъ тутъ-то и запятая!

Тимофенчъ. Не будетъ вамъ ни какой, то есть, запятой — встрѣтятся и тогда ужъ кончено! Да вотъ, чего лучше, ономнясь, батюшка, Егоръ Петровичъ, встрѣлся я съ молодымъ Скворцовымъ, да и показываю ему патреть нашей барышни—тотъ, знаете, что она

прислала изъ Питера, такой крохотный, — что жъ бы вы думали?.. Онъ такъ и ахнулъ, то есть, просто ошеломился, сердечный. Ну—говорить—коли барышня, то есть, на половину такая красавица, ну, такъ и кончено!..

Егоръ Петровичъ. Дай-то Богъ. Да всё-таки я не предвижу, гдѣ бы имъ встрѣтиться: жена не хочетъ его принимать, а больше... гдѣ же?..

Тимофенчъ. Да ужъ повѣрьте мнѣ—встрѣтятся: я знаю, что знаю.

Егоръ Петровичъ. (опять къ служанкамъ, шумно зашевелившись). Да что вы, бѣсы, распотѣшились!.. Шить!..

Нѣкоторые изъ служанокъ. Намъ барыня приказываетъ... Не по своей волѣ... Вотъ еще! помилуйте...

Тимофенчъ. Оставьте ихъ, сударь, они свое дѣло дѣлаютъ, а мы свое...

Егоръ Петровичъ. Ну, Тимофенчъ... Такъ ты говоришь... Оно, конечно, хорошо ты говоришь... и правильно... а все тутъ такъ и вертится жена...

Тимофенчъ. А что жена?.. Ну, ее!.. Плюньте на всё...

Егоръ Петровичъ. Экъ куда тебя махнуло!.. Ну, а какъ эдакъ она сама... а!..

II.

Тѣ же и МАРЬЯ СЕМЕНОВНА, вбѣгаетъ въ поныхалъ изъ среднихъ дверей.

Марья Семеновна. Какъ, голубчикъ, такъ этакъ-то вы?.. Вы тутъ съ чаемъ?!

Егоръ Петровичъ. Но...

Марья Семеновна. (къ публикѣ). Каково вамъ покажется?.. Онъ чай покушываетъ!.. У меня отъ бѣготни да хлопотъ ноги подкашиваются... голова пошла кругомъ... а онъ кушаетъ чай, да еще и съ сухариками!.. Это ужасъ! (къ Тимофенчу). А ты, что тутъ?.. зачѣмъ, для чего?..

Тимофенчъ. А вотъ, сударыня, про между себя разговариваемъ.

Марья Семеновна. Пошолъ вонъ, пошолъ вонъ! Я совѣтовала бы тебѣ... иди-ка лучше туда, знаешь на дорогу, повстрѣчай барышню...

Тимофенчъ. Слушаю-съ... (уходитъ).

III.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ну-съ, сударь мой, а вы?..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. А что же я?!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Онъ же меня и спрашиваетъ! Стыдись, батюшка, стыдись. Я—женщина—на ногахъ съ ранняго утра, усѣла всѣмъ распорядиться, отдала всякому приказаніе, собрала всю деревню, нарядила всю дворню, какъ куколокъ, послала за-версту вѣстовыхъ— и всё—таки нашла время одѣться приличнымъ образомъ. И ужъ, конечно, Катинька увидитъ, какъ я люблю ее, какъ рада ей, какъ ее встрѣчаю... А ты, голубчикъ мой—сухарики покушиваешь!?

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Но помилуй, Марья Семеновна...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Полноте, сударь, перестаньте. Подите, одѣньтесь, одѣньтесь, говорю я вамъ, какъ слѣдуетъ отцу, который ждетъ къ себѣ единственную дочь, образованную, 17-ти лѣтнюю.. Надѣньте зелѣный фракъ съ свѣтлыми пуговицами...

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Да надо ли, Марья Семеновна?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Онъ съума меня сведетъ, Создатель Небесный! Да не я ли вамъ цѣлую недѣлю толкую, что сегодня, ровно—хонько въ 12 часовъ (*указываетъ на стѣнные часы, на которые стрѣлка подходитъ къ 12-ти*) наша Катинька...

ЛАКЕЙ. (*вбѣгаетъ и кричитъ*). Барышня ѣдутъ, барышня ѣдутъ-съ (*убѣгаетъ*).

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ахъ, Богъ мой! (*къ мужу, который слышитъ допить чай*). Слышишь ли?.. Ахъ, творецъ милосердый. (*вырываетъ у мужа чашку, тащитъ его съ мѣста и выпроваживаетъ въ дверь нальво. Егоръ Петровичъ плетется, постукивая туфлями*). Идите, идите... зелѣный фракъ съ свѣтлыми пуговицами...

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. (*въ дверяхъ, къ публикѣ*). Такъ вотъ не надѣну же! (*уходитъ*).

IV.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА и другой лакей, вбѣжавшій съ крикомъ:

«Барышня ѣдутъ, барышня ѣдутъ...»

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ну, слышу, но кричи... Ну, чтожъ ты ротъ разинуешь?!.. Пошелъ, бѣги, кричи! (*лакей убѣгаетъ*). Постои, погоди, эй ты!.. (*лакей возвращается*). Поди, бѣги, скажи... (*тотъ убѣгаетъ*). Я советѣмъ голову потеряла... Люди!.. Гдѣ вы,

разбойники?! Матвѣй!.. Сорежка!.. Стоаица!.. Варвара!.. (*Люди прибѣгаютъ съ разныхъ сторонъ, Марья Семеновна разстала-оливаетъ лакеевъ по мѣстамъ у среднихъ дверей*). Стойте и ни съ мѣста. (*стучится въ комнату мужа*). Егоръ Петровичъ! не сконфузьте меня? (*обращается къ двѣушкамъ*). А вы... слушайте вы... Я вамъ сто разъ твердила: привычки свои скверныя бросьте. Ты, вѣтреница, я знаю тебя—начнешь пришилывать тамъ, или прикалывать, какъ разъ гдѣ-нибудь уколишь... У тебя тоже, корсетница... руки словно у кузнеца, знай себѣ — рветь да мечеть.. ни шнурковъ, ни лентъ не напасешься.. А ужъ тебѣ парикмахерша, и и говорить-то устала, теребишь косу будто гриву какую... вамъ бы только по сторонамъ глазѣть... смотрите же, у меня, поминить хорошенечко: какъ и что... Ну, ступайте куда надо. (*двѣушки уходятъ. Марья Семеновна стучится въ дверь къ мужу*). Поторопитесь же, Егоръ Петровичъ, да не забудьте—зеленый фракъ съ свѣтлыми пуговницами. (*въ эту минуту за сценой раздается громков и продолжительное ура*). А! прѣехала, прѣехала!.. (*обращаясь къ лакеямъ*). За мной, скорѣй, (*убѣгаетъ, а за ней лакеи*).

V.

Егоръ Петровичъ. (*принарядившись, но безъ фрака, высовывается изъ дверей*). Терентій, Терешка... (*выходитъ на сцену, суется*). Терешка! Гдѣ ты, разбойникъ!.. Фракъ зеленый... Терешка!.. (*отворяя окно*). Вишь, бестія, гдѣ онъ!.. Горланить себѣ и не думаетъ о баринѣ!.. Терешка!.. Фракъ подай... слышишь, Терешка!.. (*за сценой новое ура*). А! мошенникъ! кричитъ пушѣ вѣхъ... Терентій!.. не слышитъ: ну, что я стану дѣлать?.. Выйти такъ, безъ фрака?.. Жена прогонитъ меня... (*вблизи слышны женскіе голоса*). Ахъ, Богъ мой, это ни какъ они!.. (*кричитъ*). Терешка! фракъ.. зеленый... (*улетываетъ въ свою комнату*).

VI.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА, КАТЯ и нѣсколько слугъ и служанокъ: они вносятъ чемоданы и прочая; также являются ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ безъ фрака, ТЕРЕНТІЙ съ фраккомъ, потомъ тетушка, АЛЕНА ПЕТРОВНА, которую поддерживаетъ ТИМОФЕНЧЪ, слуги скоро уходятъ.

Марья Семеновна. Дай еще разъ обнять тебя, мой дружокъ!.. Мой маленькій каточикъ!..

Катя. О, добрая, милая мамаша!.. А папенька?.. Гдѣ же мой папа?..

Марья Семеновна. Сейчасъ выйдетъ, ангелъ мой! (*въ двери къ мужу*) Егоръ Петровичъ!..

Егоръ Петровичъ (*выходя*). Катичька!.. Каточикъ!..

Катя. Папенька!.. милый, дорогой мой папенька! (*обнимаются*).

Марья Семеновна (*особо*). Творецъ небесный!.. онъ безъ фрака?

Егоръ Петровичъ. Здравствуй, здравствуй моя крошка!

Катя. Ахъ какъ я рада, какъ счастлива .. я опять дома, съ родными. .

Марья Семеновна (*мужу*). Какъ вамъ не стыдно!

Егоръ Петровичъ. Э, Марья Семеновна, какая ты право!.. Не ужели Каточикъ нашъ прогнѣвается...

Катя. За что это, папаша?

Егоръ Петровичъ. Да, вотъ видишь ли, я по-просту, по домашнему, ну, не успѣлъ...

Катя. О, милый папаша! (*обращаясь къ обоимъ*). Вѣдь я вамъ не чужая, къ чему же тутъ наряды?..

Егоръ Петровичъ. Ну, конечно, разумѣется... (*особо*). На-первый случай поддержала (*къ нимъ*). Ну, садитесь же, садись, Катичька, въ дорожку, я чай, устала...

Катя. О. нѣтъ, папа, я готова была хоть еще столько же проѣзжать, только бы поскорѣй увидѣть васъ, быть съ вами.

Егоръ Петровичъ (*надвывая фракъ, который подаетъ ему Терентій, къ нему*). Я тебя, плутъ!.. (*къ нимъ*). Ну, вотъ, извольте посмотреть, теперь я вполне молодець. (*Къ дочери*). А встань-ко, встань, дай-ка хорошенько осмотришь себя... Смотри по-жалуй, какъ она вытянулась, поднялась...

Марья Семеновна. Что это за слова такія у васъ!.. Такъ ты, Катичька, очень обрадовалась, когда тетушка пріѣхала за тобой?

Катя. О, мамаша! вѣдь ровно шесть лѣтъ я васъ не видала. Шесть лѣтъ, папаша!.. Посудите сами — это цѣлая вѣчность. Мнѣ иногда было ужасно-скучно, особенно лѣтомъ... такъ бы, кажется, и полетѣла къ вамъ. И за то, какъ я запрыгала, когда кончился нашъ послѣдній экзаменъ. Охъ, еслибъ вы видѣли, какой поднялся между лѣвицами крикъ, шумъ... мы, просто, взбунтовались. Тутъ я получаю ваше письмо, что за мною ѣдетъ тетушка; тетушка пріѣзжаетъ и я не помню себя отъ радости, я съума схожу. Но

ужь только (*въ это время входитъ Алена Петровна, Тимофеичъ, проводивъ ее, уходитъ*)... что за смѣшная тетушка!.. Премуморительная!.. Да гдѣ же она? (*увидавъ*) Ахъ!.. ха, ха, ха... Бѣшенская тетушка! ха, ха, ха!..

Алена Петровна. Охъ, ухъ!.. устала, ужаси, какъ устала... итъ, не-подъ силу мнѣ такая дорога... А тутъ еще вотъ эта проказница... Уфъ!.. измучилась... здравствуйте, братецъ... Дайте, однакожь, присѣсть.. Охъ, ухъ, что за вертушка ваша Катинька! такая стрекоза, что я...

Катя. А! такъ я стрекоза? такъ, по вашему, я вертушка? хорошо же, тетушка, постоитъ... Слушайте, папа, и вы, мамаша... Пусть тетушка охаетъ, сердится, а я все-таки расскажу... слушайте — я расскажу вамъ про нашъ вояжъ. Мы выѣхали изъ Петербурга, кажется, въ прошлую субботу...: тотчасъ послѣ обѣда. Вы знаете, что мы ѣхали не по желѣзной дорогѣ, а въ коляскѣ; коляска... (*обращаясь къ теткѣ*). Я вамъ покажу, какая я стрекоза... Коляска наша была со всѣхъ сторонъ закрыта, потому-что шелъ дождикъ; — дождикъ скоро пересталъ; вотъ я и попросила тетушку приказать открыть коляску, тетушка ни за что не соглашалась, нечего было дѣлать — я покорилась и молчала... Но не успѣли мы отѣхать версты двѣ-три, смотрю (*тетка махаетъ руками и кашляетъ*)... итъ ужь извините, не махайте, все расскажу... смотрю — тетушка моя преспокойно изволила расположиться на бай-бай (*дѣлаетъ прилѣтъ*). Это бы еще не бѣда, пусть бы спала себѣ, но, о ужасъ, паненька!.. (*къ теткѣ*). Продолжать?..

Алена Петровна. Перестанешь ли, таранта ты эдакая!

Егоръ Петровичъ. Я догадываюсь: тетка твоя, по обыкновению, вѣрно всхрапнула?..

Катя. И какъ еще! Съ начала я вообразила, что возлѣ меня нашъ нѣмецкій учитель — (онъ имѣетъ привычку во время самаго урока сдѣлать немножко такъ... хрръ...) Оборачиваюсь—это тетушка. Я перепугалась не на шутку, въ ухахъ у меня звѣцѣло и стучало, я велѣла поскорѣй открыть коляску; воздухъ былъ прекрасный, солнце блистало, мѣстоположеніе занимало меня... все это имѣетъ до того меня развлекло, что я перестала даже терзаться... Вдругъ, откуда ни возьмись — градъ, и прекрушный. Пусть идетъ, подумала я, и ни сколько не тревожилась; я даже забавлялась этой печальностью, по тетушка... представьте себѣ, мамаша, тетушка... итъ, не она, а голова тетушкина лежала на подушкѣ; вотъ такъ (*закидываетъ*

голове), такъ, что градинки падали ей прямо на лицо... Тетушка не открывала глазъ, а только отмахивалась, воображая, конечно, что ее кусаютъ слѣзни; но потомъ, какъ векочить, какъ закричить: «это что!.. кто смѣлъ!.. За чѣмъ коляска!.. Откуда градъ!..» и пошла, и пошла, и пошла... я хохочу, кучеръ тоже, лошади тоже. . пѣтъ, виновата, лошади не хохотали, а фыркали и несли насъ во весь духъ... а тетушка, вѣрите ли; мамаша, тетушка ворчала и сердилась вплоть до стацин, гдѣ наконецъ утѣшилась — за чашкой горячаго бульёна... Ха, ха, ха... не правдали тетушка?.. (*общій смѣхъ*).

Алена Петровна. Ей весело; она и знать не хочетъ, что у теткн послѣ того открылся флюсъ, сдѣлался кашель, лихорадка!.. хороша племянница!..

Катя. А позвольте спросить: кто нагрѣвалъ для тетушки ватныя подушечки?.. кто прикладывалъ къ ея горлышку фланельки?.. кто укутывалъ?.. кто, кто?.. а?.. скажите...

Алена Петровна. Да замолчи ты проказница, болтунья.

VII.

Тѣже и ТИМОФЕНЧЪ, несутъ четыре чашки бульёна, развозя сперва прѣвзимъ.

Катя. А, Тимофенчъ!.. здравствуй! ты, кажется, не здоровался еще со мной?

Тимофенчъ. Помилуйте, барышня-сударыня, да я, что ни есть первый встрѣтилъ васъ... и ручки-то ваши цѣловалъ и ура прокричалъ... Не угодно ли, тепленькаго, съ дорожки...

Катя (*береть отъ него подносъ и подходитъ съ реверансомъ*). Не прикажете ли, добрѣйшая тетушка; этотъ бульёнъ совѣмъ не тотъ, что, помните, былъ у насъ послѣ града... ха, ха, ха...

Алена Петровна. Уймешься ли ты наконецъ, насмѣшница!.. Поди, лучше сыграй что-нибудь, да спой...

Катя. Извольте, добрая тетушка; для вашего удовольствія я на все готова.

Марья Семеновна. Но другъ мой, не полезѣе ли сперва отдохнуть?..

Егоръ Петровичъ. И въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли...

Катя. О, не беспокойтесь обо мнѣ; я ужь сказала, что не чувствую никакой усталости... Ну, а чтобъ намъ съ тетушкой

удачиѣ помиряться, и чтобъ она поскорѣй забыла дорожныя впечатлѣнія, которыя бывають не всегда пріятными впечатлѣніями, особенно когда... коляска открыта... и на насъ посыпится крупный градъ... ха, ха, ха... (*къ теткѣ*). Не сердитесь, не сердитесь... посмотрите, я сажусь и начинаю... (*поетъ всесленскій романсъ, а въ это время Тимофеечъ поглядываетъ въ зрительную трубу, устанавливая ее, какъ лучше къ окну*). Ну, что, те-тушка, хорошо?

Алена Петровна. Прекрасно, безподобно...

Егоръ Петровичъ. Bravo, bravo!.. ай да Катя!

Марья Семеновна. Да, и я скажу...

Тимофеечъ. Вотъ это, что называется пѣть, такъ пѣть, не то, что наши дѣвки на селѣ. А вотъ и село, вотъ и мыза наша; посмотрите-ка сюда, барышня-сударыня!.. Все, что ни увидите — все это ваше, родное... пожалуйте...

(*Катя смотритъ въ зрительную трубу*).

Алена Петровна. А ужъ мнѣ, старухѣ, дайте отдохнуть... Ужаси, какъ раскачалъ!.. Братецъ, проводите (*уходитъ съ Егоромъ Петровичемъ*).

XIII.

Тѣже, безъ ЕГОРА ПЕТРОВИЧА и АЛЕНЫ ПЕТРОВНЫ.

Катя (*продолжая смотреть въ трубу*). Ахъ, какая прелесть... какой видъ обворожительный!.. Пригорки... лѣсъ... деревня...

Тимофеечъ. О, то ли еще увидите!..

Катя. Вотъ и козочки... коровки... чудо, какъ хорошо!.. Картина безподобная!.. Непремѣнно сниму этотъ видъ... Сегодня же начну... Мамаша, вы мнѣ позволите?..

Марья Семеновна. Сколько хочешь, другъ мой...

Катя. А ты, Тимофеечъ, вѣрно, не откажешься проводить меня... возмешь мои снаряды?.. да?..

Тимофеечъ. Приказывайте, барышня: за мною дѣло не останется

Катя. Какъ жаль, однакожь, что тутъ не достаетъ... А! вотъ я люди!.. какая-то толстая... толстая крестьянка...

Марья Семеновна. Это наша скотница... бывшая твоя кормилица, мамка... помнишь Матрону?

Катя. Матрена?... помню, помню.. да, это она.. только как-кая она съдлалась толстая, мамаша... Ахъ, Боже мой, это кто?! Это онъ... да, онъ, онъ... я сейчасъ его узнала... вотъ онъ говорить съ Матреной... показываетъ сюда, какъ будто на меня показываетъ...

Марья Семеновна. Кто?... Кого ты узнала?..

Катя. Это онъ, мамаша, онъ... да, да... черный бархатный сюртукъ... фуражка.. хлыстикъ... это онъ, онъ...

Марья Семеновна. Да, кто же?

Катя (*оставляя трубку*). Когда мы съ тетушкой приближались къ дому и спускались подъ гору — это будетъ отсюда верстахъ въ четырехъ — спускались потихоньку, — онъ въхалъ на гору, намъ на встрѣчу, тоже тихо, почти шагомъ... верхомъ, на прекрасной лошади... Поровнявшись, онъ поклонился намъ... учтиво, вѣжливо... и такъ, какъ будто онъ насъ знаетъ... И въ самомъ дѣлѣ, мамаша, когда я по пристальнѣе всмотрѣлась въ него — я вспомнила, что мы, кажется, старые знакомые... я только позабыла его фамилю... а лицо его, его улыбка... ну, вотъ такъ и вернется у меня въ памяти... я даже вспоминала его иногда въ пансіонѣ... Да посмотрите, мамаша, сами; вы навѣрное скажете...

Марья Семеновна (*смотря въ трубу*). А!.. Гмъ... это... это... молодой Скворцовъ...

Катя (*обрадовавшись*). Ну, вотъ, вотъ... теперь и я вспомнила... Скворцовъ... Сережа Скворцовъ... Онъ былъ такой милашка, хорошенькій... да и теперь...

Марья Семеновна. Ахъ, Катя, какая ты, право!.. Ну, можно ли такъ?

Катя. А что жъ такое, мамаша?

Марья Семеновна. А то же, что... десять лѣтъ назадъ, ты могла такъ говорить, а теперь (*къ Тимофеичу*). Поди попроси ко мнѣ Егора Петровича...

(*Тимофеичъ уходитъ, а Катя снова наблюдаетъ въ трубу*).

Марья Семеновна (*особо*). Однакожъ это походить на дерзость: его не принимаютъ въ домъ, а онъ разгуливаетъ у меня подъ носомъ!.. Ужъ итъ ли тутъ какихъ продѣлокъ со стороны Матрены... а можетъ быть и Тимофеичъ?.. Онъ — старый хвляга и, пожалуй, отъ него стается... А моя крошка — она все помнитъ... и прежняя дѣтская дружба... Ахъ, какая превосходная, счастливая

мысль!.. Такъ , такъ... сейчасъ же все разстрою... (*къ дочери*). Ты еще не знаешь , Катя, вѣдь онъ бѣдняжка... помѣшался... онъ сумасошелъ...

КАТЯ. Неужели, мамаша?.. Ахъ какія страсти! (*смотритъ въ трубу*).

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Совѣтую тебѣ избѣгать съ нимъ встрѣчи.

КАТЯ (*печально*). Хорошо, мамаша (*смотритъ въ трубу*).

XIV.

ТѢ ЖЕ П ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ а потомъ ТИМОФЕНЧЪ,

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Наконецъ, слава-Богу, сестра започивала.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*отводя мужа всторону, вполголоса*). На нашей фермѣ прогуливается молодой Скворцовъ... Не знаю, кто это ему позволилъ, но этому впередъ не бывать... Катя его видѣла, узнала и... моя вражда съ его отцемъ... ты понимаешь?

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Ну?..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Онъ — сумасшедшій... понимаешь?..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Кто сумасшедшій?.. какой сумасшедшій?..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Скворцовъ, Сергѣй Скворцовъ... Я такъ хочу, такъ надо... для моего и твоего спокойствія, да еще для (*показываетъ на дочь*): надо устроить такъ, чтобъ она нигдѣ его не встрѣчала... нигдѣ!.. понимаешь?..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Но...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Я не могу равнодушно пропзнести эту ненавистную для меня фамилію, и чтобъ я снова сошлась, сблизилась!.. Повторяю — онъ сумасшедшій; ты самъ долженъ увѣрить, утверждать въ этомъ Катю...

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. И вотъ, куда повели тебя твои несогласія, капризы...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ни слова болѣе, Егоръ Петровичъ...

КАТЯ (*увидѣвъ отца*). Ахъ, папаша, какъ страшно и жалко видѣть!.. Неужели Сережа и въ-самомъ-дѣлѣ сумасшедшій?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*мужу*). Говорите — да, да. —

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Говорять... не знаю... (*особо*). Злая женщина!

КАТЯ. Ахъ, какое несчастіе!.. Я помню, у него былъ отецъ... такой добрый — добрый старичокъ... такъ еще любилъ васъ...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ (*тронутый*). О, да, да... любилъ, горячо любилъ... всѣхъ насъ... (*махнувъ рукой, поспѣшно уходитъ: его провожаетъ до дверей Марья Семеновна, что-то нашептывая*).

КАТЯ (*въ раздумьи*). Сумасшедшій!.. Такой хорошенькій — и сумасшедшій!..

ТИМОФЕИЧЪ (*вполголоса*). Не вѣрьте, барышня, не права.

КАТЯ. Чтò?!

ТИМОФЕИЧЪ. Тссъ... послѣ, послѣ... все узнаете (*отходитъ отъ нея*).

КАТЯ. Что же это такое? кто меня обманывает!?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ну, милая Катя, не хочешь ли теперь осмотрѣть комнатку, которую я приготовила собственно для тебя; она выходитъ на лугъ... удобная и красивенькая... впрочемъ, если эта не понравится, мы отыщемъ тебѣ другую... Пойдемъ... Да о чемъ ты задумалась?..

КАТЯ. Миѣ что-то вдругъ стало скучно, мамаша, я все думаю... но пойдемте... это пройдетъ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*уходя, объявшись съ Катей*). Тимофенчъ! скажи Матренѣ, чтобы никого изъ сосѣдей на ферму не пускали... слышишь-ли — никого...

XV.

ТИМОФЕИЧЪ одинъ (*смотреть вслѣдъ уходящимъ*).

Какъ бы не такъ!.. Нѣтъ, матушка-барыня, извини, — одного-то молодчика мы пустимъ.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

СВИДАНІЕ И ОБЪЯСНЕНІЕ.

Открытое мѣсто; на одной сторонѣ сцены ферма, вдали молодой лѣсъ, горы, на послѣднемъ планѣ барскій домъ; впереди рѣчка, черезъ которую перекинута мостикъ; около фермы тамъ-и-сямъ разбросаны кусты цвѣтовъ. Утро. Солнце только-что всходитъ, освѣщая мало-по-малу сцену; музыка въ пасторальномъ родѣ продолжается и по поднятіи занавѣсы, по окончаніи ея раздаются звуки пастушьего рожка, вскорѣ за тѣмъ показывается на ближайшемъ пригоркѣ пастухъ, играл на рожкѣ; онъ скоро исчезаетъ:

I.

МАТРЕНА, выходя изъ домика фермы, скликаетъ домашнюю птицу, потомъ глядитъ изъ подъ-руки на солнце.

Ахъ какая теплынь! какая ясень!.. Денежъ будетъ благодатный... А ужъ, я чай, часокъ 7-й: того и гляди, — барышня подойдетъ... Да вотъ, кажется, и она — легка на поминъ!.. Ахъ, ты моя касаточка!.. Вишь ты, какъ подпрыгиваетъ проворно (на ближайшемъ пригоркѣ показывается Катя, а за нею Тимофеичъ съ мольбертомъ и другими принадлежностями рисованія; они вступаютъ на сцену черезъ мостикъ). Съ добрымъ утромъ, сударышня, вы моя, Катерина Егоровна (хочетъ поцѣловать у Кати руку; та не даетъ).

II.

КАТЯ, МАТРЕНА и ТИМОФЕИЧЪ; онъ устанавливаетъ мольбертъ и проч.

Катя. Здравствуй, здравствуй, добрая Матрена! Видишь ли, и я умѣю вставать по-деревенски, вмѣстѣ съ солнцемъ. Тимофеичъ, устанавливай на вчерашнее мѣсто... вотъ тутъ... правѣе, правѣе... А моя козочка? Гдѣ она?

Матрена. Въ поле ушла, сударышня, въ поле, съ своими подругами — пощипать травки да муравки.

КАТЯ. Ахъ, да... вѣдь у васъ такъ заведено. А что же ты мнѣ сливокъ? забыла?

МАТРЕНА. Охъ, я пеучиха старая... Сейчасъ, сейчасъ, сударыня (*идетъ на ферму*).

ТИМОФЕНЧЪ. Постой, пеучиха старая, я тебѣ подмогу... дай, вотъ только установлю... Ну ладно... (*уходитъ за ней*).

III.

КАТЯ, одна, садится и рисуеъ.

Какъ весело, какъ благотворно все и уютно здѣсь, подъ этимъ чистымъ небомъ, въ этой прекрасной, открытой природѣ!.. Этотъ лѣсокъ, эти горы, эта душистая, пестрая зелень, солнце, воздухъ... все это вмѣстѣ навѣваетъ на душу какое-то особенное, благодатное обаянiе, чувство тихой радости и спокойствiя... Да, лѣтомъ въ деревнѣ, среди роскошной, благоухающей жизни много очарованiя... Вотъ тамъ, вдали, наше село .. въ этихъ чистецкихъ домикахъ живутъ наши умные мужички, наши добрыя крестьянки. . они, вѣрно, счастливы, и дай Боже, чтобъ они вѣчно были счастливы. Какъ они дружно, радостно встрѣтили меня!.. Сколько цвѣтовъ поднесли!.. И все это такъ просто-просто... Сейчасъ видно, что они любятъ насъ, любятъ папа и мамашу... Одно только меня смущаетъ: зачѣмъ мамаша... конечно, можетъ-быть, она имѣетъ какiя-нибудь причины... но папенька?.. мнѣ показалось, будто онъ немножко скученъ... не совсемъ откровененъ... Наконецъ, этотъ Тимофенчъ... « Не вѣрьте — сказалъ онъ — это не правда!.. » Что же это значитъ? Неужели мамаша солгала?.. А если такъ, то къ чему, для чего?.. И странно, отчего самъ Тимофенчъ вдругъ какъ-то перемѣнился, молчитъ... Между тѣмъ я примѣчаю, что у него есть что-то на умѣ... онъ какъ будто хочетъ что-то сказать мнѣ и въ тоже время скрытничаетъ... Если нашъ хорошенькiй сосѣдъ дѣйствительно сумасшедшiй, то... (*вставая, весело*) ба, ба, ба... Какъ это просто!.. Вчера онъ былъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ... говорилъ съ Матреной... слѣдовательно онъ... слѣдовательно она знаетъ его... Прекрасно. Теперь я все узнаю... заведу изъ-далека разговоръ .. Тимофенча прогоню... Прекрасно, прекрасно.

IV.

КАТЯ, МАТРЕНА и **ТИМОФЕНЧЪ**, послѣднiе двое несутъ простой зеленый столъ, уставленный деревенскими закусками.

МАТРЕНА. Простите, сударыня, за мою мѣшкатность; хорошо еще, что Тимофенчъ подсобилъ.

КАТЯ. Ахъ, Матрена, Матрена, къ чему все это? за чѣмъ? Я просила однихъ сливокъ.

МАТРЕНА. Не осудите, барышня, чѣмъ Богъ послалъ, кушайте на здоровье.

КАТЯ. Какое тутъ здоровье, отъ такого угощенія можно умереть.

МАТРЕНА. Оборони Господи!.. Чтò это вы, барышня!..

КАТЯ. Ну, хорошо; давайте же угощаться (*ѣсть и пьеть*, — къ Матрени) А что же ты?

МАТРЕНА. Какъ можно, барышня!.. Намъ не пристойно съ господами...

КАТЯ. Смотри пожалуй, какія церемоніи! Позвольте ѣсть, сейчасъ, при мнѣ, а не то я подумаю, что ты меня не любишь.

МАТРЕНА. Коли не побрезгаете, то ужъ такъ и быть (*уписываетъ хлѣбъ-соль по крестьянски*).

КАТЯ. Ну, а ты, Тимофеичъ, припмайся...

ТИМОФЕИЧЪ. Былое дѣло, сударыня... Впрочемъ была-не-была, (*ѣсть и пьеть*).

КАТЯ. Вотъ этакъ-то лучше... Чудесныя сливки!.. Знаешь чтò, Тимофеичъ, я большая охотница до сливокъ съ ягодами... Не полѣнись, голубчикъ, собери, нарви мнѣ лѣсной — не садовой — а лѣсной земляники, малины... чтò подъ руку попадется...

ТИМОФЕИЧЪ. Хотъ цѣлый коробъ... Вамъ сейчасъ?..

КАТЯ. Сію-минуту, Тимофеичъ.

ТИМОФЕИЧЪ. Бѣгу, бѣгу... Смотри же ты, старая, береги нашу барышню-сударышню пуще своего глаза (*уходитъ*).

V.

КАТЯ и МАТРЕНА.

КАТЯ (*особо*). Спровадила... (*подводит Матрени къ ландшафту*). Посмотри сюда, Матрена; какъ тебѣ нравится?

МАТРЕНА. Охъ, сударыня вы моя, да что я, простая баба, могу въ этомъ смелить!..

КАТЯ. Смотри, смотри... вотъ и ты тутъ нарисована .. а вотъ и домикъ твой — видишь?

МАТРЕНА. Вишь какія хитрости!

КАТЯ. Смотри, вотъ наша роща... вотъ рѣчка .. коровы, козы... вотъ и моя козочка, чтò ты вчера мнѣ подарила. А дальше... тамъ на

горь... видишь ли? это мыза нашего сосѣда, вонъ тамъ... (*показываетъ вдалѣ рукой*).

Матрена. А!.. Скворцовская... вижу, вижу...

Катя. Да, Скворцовская... а ты знаешь Скворцова?

Матрена. Какъ не знать, сударышня вы моя, такой хворый старикашка, совсѣмъ безъ ногъ.

Катя. Нѣтъ, я спрашиваю не про старика.

Матрена. И сынка-то знаемъ:

Катя. Стало-быть ты видала его?..

Матрена. Сергѣя-то Иваныча?

Катя. Да, да... Сергѣя Иваныча?

Матрена. Слава тебѣ Господи!.. Онъ и на ферму ко мнѣ инось заглядываетъ: сливочекъ тамъ, или молочка испробуетъ: такой великатный, красатбюущій... Да вотъ и оломпясь... кажись вчера... тоже заходилъ... а зашедши-то все выпытывалъ...

Катя. Что же такое выпытывалъ?

Матрена. Да и Богъ его знаетъ что... А чья, говорить, эта такая дѣвица?

Катя. Про кого же это?

Матрена. Да ужъ вѣстимо про васъ, сударышня.

Катя. Онъ спрашивалъ обо мнѣ?

Матрена. Да вѣдь больше и не объ комъ. Вотъ и говорить: а кто — говорить — эта дѣвица, что въ коляскѣ пріѣхала?

Катя. Ну, а ты что?

Матрена. А я ему въ отвѣтъ: это-моль наша молоденькая госпожа... изъ Питера.

Катя. Ну, а онъ что?

Матрена. Онъ и говорить: а, знаю — говорить — помню еще маленькую... вишь, говорить, какъ подросла.

Катя. Ну, а ты что?

Матрена. А я и говорю: да моль; подросла, скоро 17 годковъ стукнетъ.

Катя. Ну, а онъ что?

Матрена. А онъ и говорить: вотъ говорить — красная дѣвица, такъ ужъ точно красная дѣвица.

Катя. Неужели такъ и сказалъ?

Матрена. Ну, вѣстимо не такъ; сказалъ-то онъ по ихнему; да оно вѣдь все единственно выходитъ.

Катя. Ну, а ты что?

Матрена. Я и говорю: вѣдь барышня-то у насъ всего одна одне-

хонька, одна у батюшки да у матушки, такъ какже ей и не быть красной дѣвицей.

КАТЯ. Ну, а онъ что?

МАТРЕНА. А онъ и говорить...

(Въ эту минуту за сценой раздается выстрѣлъ).

КАТЯ. Ахъ!..

МАТРЕНА. Это все онъ же... тамъ, въ рощѣ... настрѣляетъ утокъ да куропатокъ, да и подарить мнѣ.

КАТЯ. Ахъ, Боже мой, у него ружье — и ты не боишься!

МАТРЕНА. И, сударыня, да чего бояться; у меня и свой парнишка съ ружьемъ ходитъ.

КАТЯ. А какъ онъ вдругъ застрѣлитъ?

VI.

Тѣже и ТИМОФЕИЧЪ, вбѣгаетъ держа въ одной рукѣ корзинку съ ягодами, а въ другой подстрѣленного зайца.

Тимофенчъ *(кричитъ)*. Застрѣлилъ, застрѣлилъ, то-есть со-всѣмъ на-смерть положилъ.

КАТЯ *(испугавшись)*. Матрена! сюда, ко мнѣ... Боже мой, Тимофенчъ!..

(Матрена, увидавъ зайца, хохочетъ).

Тимофенчъ. Застрѣлилъ, застрѣлилъ... посмотрите, барышня, на этого сѣряка; какой былъ красавчикъ покойникъ... какіе лапки, ушки, мордочка!..

КАТЯ. Ахъ, Тимофенчъ, какъ ты меня перепугалъ... *(разсматриваетъ зайца)*. Бѣдняжка, тебя убили!

VII.

Тѣже и СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ, вдали, на пригоркѣ, стрѣляетъ; онъ въ охотничьемъ платьѣ. Вслѣдъ за выстрѣломъ всѣ вскрикиваютъ, ТИМОФЕИЧЪ громче всѣхъ, и притомъ припадаетъ комически къ землѣ, уронивъ корзинку съ ягодами; КАТЯ роняетъ зайца.

КАТЯ. Я боюсь, Тимофенчъ... вѣдь если онъ въ-самомъ-дѣлѣ сумасшедшій, то...

Тимофенчъ. Сумасшедшій? Помилуйте, барышня, какой онъ сумасшедшій: развѣ сумасшедшему дадутъ ружье, да еще двуствольное? Подумайте хорошенько *(къ Сергѣю Ивановичу)*. А, господинъ охотникъ,

вы изволите наших зайцев подстрѣливать; въ чужихъ дачахъ охотой промышляете?.. Ужо васъ!.. *(бѣжитъ къ нему и, сойдясь, объясняетъ что-то знаками, указывая на Катю. Матрена подбираетъ ягоды).*

Катя *(особо)*. Въ-самомъ-дѣлѣ... какъ это не пришла мнѣ въ голову такая простая догадка?.. Да, да... сумасшедшаго не пустили бы съ ружьемъ .. его держали бы взаперти, а онъ — на свободѣ... можетъ быть онъ такъ... немножко... завирается. Если только такъ, — не беда... опасности нѣтъ никакой. . Ахъ, какъ бы я желала увидѣть его поближе... онъ, кажется, такой интересенькій... Однако жъ, мамаша совѣтовала. . лучше уйду... *(оборачиваясь, видитъ около себя Сергья Ивановича)*. Ахъ!..

Сергѣй Ивановичъ. Простите, сударыня, если мое неожиданное появленіе...

Катя. Да, да... это ружье... я боюсь...

Сергѣй Ивановичъ *(стиснулъ ружье)*. О, что до ружья...

Катя. Ахъ, оставьте... положите... бросьте, бросьте... *(Сергѣй Ивановичъ ставитъ ружье у стѣны фермы и потомъ возвращается къ Катю)*. Какая прекрасная талія! Какая прелестная походка!.. Нѣтъ, нѣтъ, онъ не сумасшедшій... Но я всё-таки должна уйти... *(собирается уйти)* Тимофенчъ!.. гдѣ ты?..

Сергѣй Ивановичъ. Ваше требованіе исполнено — ружье въ сторонѣ. Но я снова прошу прощенія, что былъ такъ неостороженъ... впрочемъ этаго бы не случилось, я бы не стрѣлялъ, еслибъ зналъ, что вы...

Катя. Да, я ужасно боюсь, когда около меня...

Сергѣй Ивановичъ. Ружейная стрѣльба?

Катя. Мнѣ всегда кажется...

Сергѣй Ивановичъ. Что охота на зайцевъ гораздо опаснѣе охоты къ живописи?

Катя. Я не то хотѣла сказать. .

Сергѣй Ивановичъ. Я самъ немножко учился рисованію... И если вы позволите... *(указываетъ на картину)*.

Катя *(закрываетъ картину руками)*. О, не стойтъ, не стойтъ... это такіа пустяки. .

Сергѣй Ивановичъ. Однако жъ позвольте.. будьте такъ добры.

Катя *(отходя отъ картины)*. Да онъ времилацикъ!.. Какіе чудесные усски!.. О, ручаюсь, онъ вовсе не сумасшедшій... Но что скажетъ мамаша!.. Тимофенчъ. . ахъ, какой несносный!..

Сергѣй Ивановичъ. Въ вашемъ ландшафтѣ не достаетъ...

КАТЯ. Ахъ, не смотрите, не смотрите... Это мелочи, ученическая работа... и вы видите — еще не кончена...

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. Вижу, и потому-то хотѣлъ бы посоветовать вамъ, Катерина Егоровна...

КАТЯ. Какъ, вы знаете мое имя?

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. А вы?... развѣ вы не знаете моего?... Полноте, Катерина Егоровна, серьезничать. Вспомните, что было лѣтъ 10 тому... мы вмѣстѣ рѣзвились, играли... даже на самомъ этомъ мѣстѣ.

КАТЯ. Помню, помню.

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. И вы называли меня тогда... помните какъ?..

КАТЯ. СЕРЕЖИНОЙ.. помню, помню... А вы меня звали...

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. КАТИНОЙ... видите — я не забылъ и не забуду никогда. Дѣ! Катерина Егоровна, 10 лѣтъ — много времени!.. Изъ маленькой Катиньки вы сдѣлались Катериной Егоровной; я — изъ СЕРЕЖИ превратился въ СЕРГЪЯ ИВАНЫЧА. Не правда ли, вѣдь это ужасно скучно?.. (*особо*) Какъ она хороша!

КАТЯ. СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ! вы давеча что-то замѣтили въ ландшафтѣ, скажите, что? чего не достаетъ?

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. Самаго лучшаго украшенія, то есть самихъ васъ.

КАТЯ. О, вы, я вижу, настоящий — СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ... Тимофейчъ!. Матрена!.. ушли, какъ нарочно!..

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. Божусь вамъ, я все тотъ же СЕРЕЖА, не принимайте моихъ словъ за пустой комплиментъ: вы дѣйствительно хороши.

КАТЯ (*присѣдая*). Приношу вамъ мою *глубочайшую* благодарность... Но погодите, вы давеча сказали также, что учились рисовать; срисуйте же меня.

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. Извольте, только не теперь; теперь мнѣ хочется говорить съ вами, говорить, говорить...

КАТЯ. Говорите... а я съ своей стороны напишу въ моемъ ландшафтѣ еще одно... необходимое лицо... Посмотрите, вотъ тотъ кустарникъ, гдѣ вы...

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. Сдѣлалъ послѣдній выстрѣлъ — вижу.

КАТЯ. На этомъ мѣстѣ я поставлю молодаго охотника съ ружьемъ за плечами и... съ черненькими усиками... хотите?

СЕРГЪЙ ИВАНЫЧЪ. Хочу ли я!? О, Катерина Егоровна, дайте вашу ручку...

КАТЯ. Возьмите, хоть объ... знаете ли, Сергѣй Ивановичъ, я не на шутку испугалась васъ...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. И все изъ-за ружья?

КАТЯ. О, нѣтъ, нѣтъ... причина другая, причина... *вы сами, лично...*

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Я?! Что же во мнѣ страшнаго?

КАТЯ. Теперь, я вижу, ничего... ни страшнаго, ни опаснаго; напротивъ... А вчера мнѣ сказали, будто вы...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Что же я?

КАТЯ. Нѣтъ, не скажу. . Мнѣ совѣстно, что я такъ скоро повѣрила шуткѣ . .

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. О, ради Бога, Катерина Егоровна, скажите: отъ кого и что вы слышали обо мнѣ?

КАТЯ. Отъ кого — не скажу, а что? — такъ ужъ и быть. Мнѣ сказали, что вы... Ахъ, какъ надо мной посмѣялись!.. Я слышала, будто вы... но только не сердитесь, пожалуйста, Сергѣй Ивановичъ... это не я говорю .. я не выдумываю.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Вы мучите меня... говорите прямо...

КАТЯ. Будто вы... знаете ли что?

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Да будетъ ли конецъ вашимъ остановкамъ?

КАТЯ. Смотрите же, не сердиться... это не я говорю... это говорить... будто вы... сумасшедшій...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Сумасшедшій!?

КАТЯ. Вотъ вы ужъ и разсердились.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. О, нѣтъ, нѣтъ, несколько... такъ вы говорите...

КАТЯ. Не я, не я, слышите ли — не я... я говорю напротивъ.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Сумасшедшій!? (*помолчавъ*) Катерина Егоровна, выслушайте меня. Вчера утромъ, наша печальная встрѣча, въ первый разъ послѣ 10 лѣтъ, произвела на меня сильное и вмѣстѣ какое-то успокоительное впечатлѣніе. Мнѣ показалось, будто я вижу ангела, слетѣвшаго на землю для примиренія людей... О, не улыбайтесь... Есть встрѣчи, есть минуты въ жизни, есть ощущенія, въ благотворность которыхъ вѣришь невольно, бессознательно... Не считайте меня энтузіастомъ, мечтателемъ, фаталистомъ... Я совсѣмъ не то... Мнѣ показалось, повторяю, будто я вижу въ васъ ангела-примирителя. Вашъ взглядъ, ваша улыбка, вашъ поклонъ, въ отвѣтъ на мой, все, все говорило въ вашу пользу... Вы проѣхали: вы были уже далеко, — а я все еще смотрѣлъ вамъ вслѣдъ, не въ силахъ былъ оторваться, и все чего-то ожидалъ.

Катя. Вы ожидали — признайтесь — что я обернусь? да?

Сергѣй Ивановичъ. Да.

Катя. И я обернулась — вы замѣтили?

Сергѣй Ивановичъ. Замѣтилъ ли я!? Я этого никогда, никогда не забуду... тогда-то я привелъ себя на память ваше лицо, ваши черты... я вспомнилъ васъ вдругъ, съ одного взгляда... вспомнилъ наше дѣтство, нашу маленькую короткость и дружбу, нашу взаимную довѣрчивость и откровенность... Да, я вспомнилъ все, и мой умъ, сердце мое, неиспытанныя покуда никакихъ волненій, ни малѣйшихъ тревогъ, вдругъ освѣтились чѣмъ-то новымъ и отраднымъ, тихимъ и прекраснымъ. Не умѣю, не знаю, какъ назвать эти чувства, но думаю, но вѣрю... да, вѣрю, что я полюбилъ васъ... полюбилъ всею теплотой моего сердца, всею сплою моей души.

Катя (*улыбаясь*). Вы, помините мнѣ, просили не считать васъ энтузіастомъ?!

Сергѣй Ивановичъ. О, не придавайте моимъ словамъ пошлаго смысла! Я не способенъ профанировать благородныхъ стремленій сердца, слова мои истинны... я говорю, что полюбилъ васъ, потому-что вижу въ васъ ангела-утѣшителя...

Катя. Вы, кажется, просили не считать васъ фаталистомъ?!

Сергѣй Ивановичъ. Пусть, по вашему, я мечтатель, фаталистъ, хуже — фразеръ... но не объ этомъ теперь я думаю... я думаю о моихъ къ вамъ чувствахъ... и о вашемъ убійственномъ словѣ: ты — сумасшедшій.

Катя. А!.. вы изволите разыгрывать комедію? продолжайте.

Сергѣй Ивановичъ. Комедію!? когда вся кровь...!

Катя. Виновата, виновата... теперь я поняла, вы играете — трагедію.

Сергѣй Ивановичъ. Вы безжалостны, Катерина Егоровна! Мы не видались 10 лѣтъ, и что же? при первой встрѣчѣ, при первомъ случаѣ свиданія вы говорите мнѣ: ты — сумасшедшій. —

Катя. Наконецъ, если это не комедія и не трагедія, такъ это самый несносный фарсъ!.. И, да я!.. говорятъ вамъ — не я... собственно я думаю объ васъ совсѣмъ иначе... это невыносимо... Послѣ этого вы, право... (*смѣется*).

Сергѣй Ивановичъ. Будьте откровенны, какъ были когда-то... въ ребячествѣ, будьте довѣрчивы, какъ въ то время, когда мы сознавали одни только невинныя радости — только такой откровенности я и желалъ бы отъ васъ — скажите мнѣ, Катерина Егоровна, скажите по совѣсти: кто назвалъ меня сумасшедшимъ?

Катя. Вотъ именно по совѣсти-то я и не могу сказать. Послушайте г. Скворцовъ... послушайте Сергѣй Ивановичъ... послушайте Сережничка...

Сергѣй Ивановичъ. О, назовите, назовите меня еще разъ...

Катя. Послушайте: бросьте, выкиньте изъ головы это несчастное слово. Я произнесла его такъ... по неосторожности, по разсѣянности... Я говорю, утверждаю, кричу, что вы не только не сум... вы понимаете?... но такой человекъ, котораго я желаю видѣть чаще и чаще... Согласны вы?

Сергѣй Ивановичъ. Тысячу разъ васъ благодарю.

Катя. Бросьте же все и будемъ довѣрчивыми друзьями, вотъ моя правая рука.

Сергѣй Ивановичъ. До послѣднихъ минутъ жизни.

Катя. Хорошо, теперь позвольте мнѣ начать охотника, волшебнаго стрѣлка, съ ружьемъ за плечами и... съ черными ушками... Становитесь въ позицію; а я покуда приготовлю краски... Что же вы? становитесь...

Сергѣй Ивановичъ (*особо*). Не знаю, что со мной дѣлается... у меня изъ головы не выходитъ... и для кого, кому нужно, чтобы меня считали сумасшедшим!?

Катя (*особо*). Бѣднѣшка! онъ, кажется, очень страдаетъ... И право въ-самомъ-дѣлѣ странно... Мамешка была чрезвычайно серьезна, когда говорила... она и не думала шутить... папешка тоже... я совершенно теряюсь...

Сергѣй Ивановичъ (*особо*). Ба!.. Мнѣ кажется, я попалъ на слѣдъ. Такъ, такъ.. должно быть, она... по всѣмъ моимъ соображеніямъ... больше не кому... Хорошо же, почтенная матушка, я не останусь у тебя въ долгу: дочь твоя узнаетъ всѣ твои проделки... Катерина Егоровна!

Катя. Я давно уже готова, ожидаю вашей позиціи.

Сергѣй Ивановичъ. Нѣтъ, Катерина Егоровна, отложимъ портретъ мой до другаго разу, я сегодня не въ духѣ, встревоженъ... Между тѣмъ, я хочу... мнѣ непременно надо выйти изъ этого положенія, а выйти изъ него я могу не иначе, какъ довѣривъ вамъ одно довольно важное обстоятельство.

Катя. Вы хотите снова пугать меня?

Сергѣй Ивановичъ. Можетъ-быть, но это необходимо.

Катя. Въ такомъ случаѣ я хорошо сдѣлаю, если оставлю васъ. Прощайте...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. О, не уходите... То, что важно для меня, столько же, если не больше, важно и необходимо для васъ...

КАТЯ. Для меня?!

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Выслушайте съ участіемъ — и потомъ судите.

КАТЯ (особо). Боже мой, я предчувствую что-то тягостное... Говорите.

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Недѣли за двѣ до вашего пріѣзда я былъ у вашихъ родителей, съ первымъ визитомъ, по возвращеніи моемъ изъ Москвы и — съ письмомъ отъ моего отца къ вашей матушкѣ. Матушка ваша не только не приняла письма, но еще наговорила множество непріятныхъ вещей на счетъ моего отца; она называла его своимъ личнымъ врагомъ; упрекала, будто онъ раззорилъ ее, ограбилъ, отнялъ у нее какое-то имѣніе и проч. и проч. Я — какъ вы легко себя представите — былъ изумленъ до крайности, но — ненадолго. Изъ словъ вашего батюшки, еще болѣе изъ словъ моего старика я узналъ, что поступки, въ которыхъ обвиняла его ваша матушка, принадлежатъ не ему, а собственно ей самой...

КАТЯ. Сергѣй Ивановичъ!..

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Еще болѣе убѣдился я... когда прочиталъ формальное дѣло... процессъ, который затѣяла противъ моего отца ваша матушка, не смотря на то, что сама же была кругомъ виновата.

КАТЯ. Но если вы ошибаетесь, но если вы...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Я не ошибаюсь, а главное — я не лгу. Слушайте. Нѣсколько лѣтъ тому, отецъ мой имѣлъ прекрасную, богатую лѣсную дачу, или, говоря проще — лѣсъ, въ общемъ владѣніи съ вашей матушкой. Ей принадлежала только 10-я часть изъ этого лѣса. Постоянно больной и почти безногий, мой отецъ не могъ наблюдать за своимъ имѣніемъ; управляющаго порядочнаго не было, а староста — бездѣльникъ былъ подкупленъ...

КАТЯ. Маленькой?! Это клевета —

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Это правда. Пользуясь болѣзнію моего отца, она вырубала съ давнихъ поръ нашъ лѣсъ — свою часть она давно уже истребила; — кончилось тѣмъ, что исправникъ, въ одно прекрасное утро, объявилъ моему отцу, что у него, вмѣсто лѣса, открылось пространное поле. — Отецъ мой просилъ изслѣдовать зло... и слѣдствіе, формальное слѣдствіе обнаружило въ этомъ дѣлѣ одну только виновницу, это — ваша...

Катя. Не договаривайте! Ради Бога, не говорите... Нтъ... продолжайте...

Сергій Ивановичъ. Помня старую дружбу съ вашими родителями, особенно съ вашимъ батюшкой, отецъ мой хотѣлъ было бросить все это дѣло, не смотря на то, что похищенный лѣсъ стоилъ ему очень дорого; но матушка ваша, по какому-то странному упрямству, не хотѣла сознать ни своей вины, ни благороднаго поступка моего отца; этого мало: она сама — какъ я уже и сказалъ вамъ — подала на него въ судъ ложную жалобу. Тогда отецъ мой снова принялся за дѣло, защитивъ себя какъ слѣдуетъ и положительно доказавъ свою справедливость...

Катя. Это ужасно, ужасно...

Сергій Ивановичъ. Но отецъ мой — я знаю навѣрное — не желаетъ зла вашей матушкѣ, и съ этой цѣлью — какъ мнѣ теперь извѣстно — онъ посылалъ меня съ письмомъ, котораго — вы уже знаете — она не приняла. Я не знаю, чѣмъ объяснить такой поступокъ. Что это? Гордость, самолюбіе, заблужденіе? Непонятно!.. И что еще непонятнѣе — вмѣсто того, чтобъ извиниться, чтобъ съ добрымъ чувствомъ принять примирительную руку моего отца, — ваша матушка снова поднимаетъ противъ него это несчастное дѣло въ высшемъ уже судѣ.

Катя. О, нтъ, этого не будетъ, не будетъ... я не допущу мою мамашу до такого униженія... мы должны уважить чужія права... О, мамаша, мамаша, что ты дѣлаешь!?

Сергій Ивановичъ. Простите, Катерина Егоровна, что я такъ откровенно высказалъ...

Катя. Ничего, ничего... напротивъ, вы хорошо сдѣлали... я вамъ благодарна... *(особо)* Ахъ, что я узнала!..

Сергій Ивановичъ. Послѣ этого, согласитесь, Катерина Егоровна, не трудно отгадать желаніе вашей матушки отдалить меня отъ вашего дома, отъ встрѣчи съ вами, посредствомъ такой странной выдумки...

Катя. О, да, да, я все теперь понимаю. Но это все должно переѣниться... Успокойтесь вы сами и успокойте вашего великодушнаго батюшку... О, какъ печально мое положеніе! Но я выйду изъ него... завтра же, неперѣнно завтра все до послѣдняго слова выскажу моей мамашѣ... буду просить ее, умолять... на колѣняхъ, въ слезахъ... *(она чуть не плачетъ)*. И не отстану, не отстану до тѣхъ поръ, пока... О, я знаю что мнѣ должно говорить и дѣлать... я успѣю

въ своемъ намѣреніи... Вы, Сергѣй Ивановичъ, приходите... я приглашаю васъ завтра къ намъ..

Сергѣй Ивановичъ. По...

Катя. Не отговаривайтесь — приходите, непременно приходите... ваше присутствіе необходимо... я желаю, даже требую, чтобъ вы пришли... Согласны?

Сергѣй Ивановичъ. Извольте, буду, во что бы то ни стало.

Катя. Прекрасно. Теперь прощайте, до свиданія... я такъ... немножко встревожена... до свиданія. *(подаетъ ему руку)*.

Сергѣй Ивановичъ. До свиданія *(цѣлуетъ у ней руку и удаляется)*.

Катя. *(послѣ минутной тоски, плачетъ)*. О, Боже мой, Боже мой, что я узнала!.. Мамаша, мамаша, за что ты разрушаешь мое спокойствіе, всѣ мои надежды?!..

VIII.

Тѣже и ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ, выходитъ съ боку.

Егоръ Петровичъ. *(вслѣдъ уходящему Сергѣю Ивановичу)*. Э!.. господишь браконьеръ, остановитесь... воротитесь... *(тотъ возвращается)*.

Катя. *(особо)* Батюшка!.. *(утирая слезы)*. Папаша, милый папаша, вы, вѣрно, за мной, да?..

Егоръ Петровичъ. Да, другъ мой, пора объѣдать... ты ужъ черезъ-чуръ заработалась... *(въ это время подходитъ къ Егору Петровичу Сергѣй Ивановичъ; они здороваются)*.

Катя. Какое, папаша, заработалась! Я все время проговорила съ Сергѣй Ивановичемъ.

Егоръ Петровичъ. Вотъ!.. Такъ ужъ вы познакомились?

Катя. Что вы, папаша!.. да мы были друзьями двадцать лѣтъ назадъ.

Егоръ Петровичъ. *(смѣется)*. Да!.. стародавняя дружба, ха, ха, ха!.. а самой только 17-тъ!.. Ну, а ты, братецъ—Сережа?..

Сергѣй Ивановичъ. Я... подтверждаю слова Катерины Егоровны.

Егоръ Петровичъ. Ха, ха, ха... П онъ туда же!.. Однакожъ, знайте, г. браконьеръ, васъ не велѣно пускать ни сюда, ни вообще въ наши владѣнія, *подъ смертною казнью*... для меня, ха, ха, ха... А ты, Каточикъ, и позабыла про нашъ телескопъ? Вѣдь все видно, какъ на ладони; хорошо, что матушка-то твоя занята съ самаго утра съ своимъ стряпчимъ...

КАТЯ. А позвольте спросить васъ, папа, за что, съ какою цѣлью вы вчера сказали, что Сергій Ивановичъ...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Тссъ... ни слова, дитя мое; вѣдь ты у насъ умница и, я надѣюсь, не проболталась...

КАТЯ. Извините — все разболтала и все узнала... А, папа, вы думали секретничать?! Но это вамъ не удалось... Теперь я сама противъ васъ заведу процессъ! ..

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. (*въ полголоса*). Какъ, Сережа, ты открылъ?..

СЕРГІЙ ИВАНИЧЪ. Все до малѣйшей подробности — и въ этомъ нисколько не виноватъ: обстоятельства вызвали... завтра я у васъ буду...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Дѣлай, какъ знаешь... ты завтра у насъ, если только примутъ... а я сегодня у твоего отца... да, Сережа, скажи отцу, чтобъ онъ ждалъ меня сегодня вечеромъ... Я прочелъ то письмо... знаешь?.. И скажу напрямикъ, что твой отецъ — я не знаю, что и сказать про такого благороднѣйшаго друга...

КАТЯ. Ну, вотъ видите; такъ по этому — мы станемъ дѣйствовать вмѣстѣ, дружно, я, вы, папаша, и Сергій Ивановичъ. Пойдемте папа; я вамъ все скажу, расскажу, перескажу (*мелодраматически*). «А ты, о юноша прекрасный!..» не забудьте, завтра утромъ къ намъ... до свиданія (*уходитъ съ отцомъ, но на полдорогъ оборачивается, кокетливо кивая Скворцову*).

СЕРГІЙ ИВАНИЧЪ (*смотря вслѣдъ уходящимъ*). Очаровательная головка!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЯ ЧЕТВЕРТОГО.

КОНЕЦЪ-КОНЦОВЪ.

Кабинетъ Марьи Семеновны; приличная мебель, хозяйка сидитъ за письменнымъ столомъ, поставленнымъ по срединѣ сцены, и пишетъ, сама себя диктуя. При словахъ: «хотѣла бы однакожъ я знать» входитъ Егоръ Петровичъ осторожно, на цыпочкахъ, и садится на диванъ, не адалекъ отъ Марьи Семеновны.

I.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА и потомъ **ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ.**

«Такимъ образомъ... такимъ образомъ... мнимое право... моего «со-пер-ника. . помощника Скворцова... на выше-сказанный лѣсъ «и... на землю... уничтожается... въ силу закона... земскою... дав-

«ностію... давностію...» Хорошо, крѣпко, хотѣла бы однакожь и знать, о чемъ писалъ ко мнѣ старикашка Скворцовъ...

Егоръ Петровичъ (*тихо, особо*). Еге!.. Вонъ оно куда пошло!

Марья Семеновна. Неужели онъ бросилъ выигранное дѣло... а можетъ-быть, хотѣлъ подѣлиться?.. Да нѣтъ, быть не можетъ: онъ такъ горячо началъ, такъ сильно настаивалъ... Оно, конечно, если говорить правду, право-то на его сторонѣ...

Егоръ Петровичъ (*также*). На силу-то опомнилась.

Марья Семеновна. Право крѣпостное... а у меня... ну, у меня давность владѣнія... но какого владѣнія!..

Егоръ Петровичъ (*также*). Заговорила совѣсть.

Марья Семеновна. Охъ, ужъ эта мнѣ давность!.. Тутъ отдай, тамъ принеси, здѣсь прилатись... а въ концѣ-то все-таки штрафы да взыски... Да, станеть мнѣ это дѣльцо въ конейку... Сказать по совѣсти, скверное дѣло тяжба!..

Егоръ Петровичъ (*также*). Сознаніе, сознаніе!..

Марья Семеновна. Впрочемъ, оглядываться назадъ поздно... камень брошенъ... завтра... да, завтра срокъ для подачи этой апелляціи... Прочтемъ же.

Егоръ Петровичъ (*также*). Сутяжница!

Марья Семеновна (*читаетъ*). «Просить помѣщика... такого-то уѣзда... Марья, Семенова дочь... Угрюмова... а о чемъ, тому слѣдуютъ... пункты... Первый...

Егоръ Петровичъ (*хохочетъ*). И послѣдній, ха, ха, ха...

Марья Семеновна (*оторопѣвъ*). Это что значить? За чѣмъ вы здѣсь? Какъ сюда попали? Давно ли тутъ сидите?

Егоръ Петровичъ. Ха, ха, ха... я пришелъ послушать ваши пункты... а сию-то я здѣсь съ той самой минуты, какъ ваша совѣсть произнесла «хотѣла бы я знать» и проч... Гмъ... гмъ...

Марья Семеновна. Вы ничего тутъ не смыслите; оставьте меня: я занята...

Егоръ Петровичъ. Похвальное занятіе! ха, ха, ха...

Марья Семеновна. Наконецъ, что вамъ нужно отъ меня?

Егоръ Петровичъ. Сама ты сейчасъ сказала «скверное дѣло — тяжба.» И это справедливо вообще, а что до твоей тяжбы съ Скворцовымъ, — такъ она сквернѣе всѣхъ.

Марья Семеновна. Отъ тебя ли, мой батюшка, я это слышу?..

Егоръ Петровичъ. Да, тяжба твоя раззоритъ насъ всѣхъ,

раззорить тебя, меня, крестьянъ и — вспомните, пожалуйста, у насъ есть дочь.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Прошу васъ — оставьте меня. —

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ (*смѣло*). Нѣтъ, ужъ пзвините, не оставлю, не та пора...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Подите прочь!

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ (*еще смѣлье*). Не пойду, не хочу... не та пора... не на того наскочили...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ха, ха, ха... вотъ уморительный герой! ха, ха, ха...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Довольно посвоевольничали; будетъ съ васъ; теперь у насъ есть законная наследница... вотъ оно что!.. Все имѣніе принадлежитъ ей, одной ей — и ни кому больше. . Вы не должны, не смѣете раззорять ее... вотъ оно что!..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ха, ха, ха... голубчикъ Егоръ Петровичъ, вы видно, встали сегодня лѣвой ножкой!.. ха, ха, ха...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Не смѣйтесь, пожалуйста; я вѣдь понимаю, на что вы мѣтите... вы думаете, что вотъ—дескать муженекъ-то мой и былъ и есть простаѣ, какихъ не сыщешь и днемъ съ фонаремъ? Подарилъ мнѣ имѣніе — все цѣлкомъ, безъ остатка... Ошибаетесь, Марья Семеновна, немножко ошибаетесь : въ дарственной есть маленькая лазейка на счетъ дѣтской части.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Не беспокойтесь за Катеньку : она не будетъ обижена.

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Конечно не будетъ; я не допущу. Но къ чему же вы хотите продолжать этотъ гадкій, несправедливый процессъ? Зачѣмъ еще сочиняете новыя клеузы?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Егоръ Петровичъ! ты голубчикъ, угорѣлъ, ты въ горячкѣ...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Нѣтъ, я только разгорячился, а вы — по всему замѣтно — сходите съума : лезете прямо въ петлю съ вашей тяжбой... въ первомъ судѣ вамъ отказали... взыскиваютъ огромныя деньги... имѣніе берутъ подъ запрещеніе... Вотъ оно куда пошло!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. А , теперь я догадываюсь , откуда всѣ эти громкія фразы...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Да, я былъ... вчера... у него... (*ходитъ крупными шагами въ разныхъ направленіяхъ*).

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. У моего врага!

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. У нашего друга!.. у человѣка вполне благомыслящаго, благонамѣреннаго ; мы просидѣли весь вечеръ... я слу-

шалъ его... я долженъ былъ выслушать его до конца... онъ доказалъ и я убѣдился.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*съ притворнымъ смѣхомъ*). Смотри, пожалуйста, какъ муженекъ мой расходился!..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Я еще не такъ разожусь!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Увидимъ, посмотримъ...

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Вы говорите — увидимъ; вы говорите — посмотримъ?.. Ну, такъ смотрите же!..

(*находясь въ эту минуту въ глубинѣ сцены, Егоръ Петровичъ быстро и съ шумомъ направляется къ письменному столу, изъ-за котораго выскакиваетъ въ испугъ Марья Семеновна, отбѣгая въ уголъ авансцены*).

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Что вы хотите?..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (*въ сердцахъ заливаетъ чернилами всю бумагу*). Вотъ тебѣ и пункты, пункты, пункты!.. (*отбѣгаетъ въ другой уголъ авансцены (особо)* Разрушитель, уничтожилъ, истребилъ...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*едва опомилась*). Злодѣй! варваръ! Скифъ! Готентотъ!.. (*подбѣгаетъ къ столу*).

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (*особо*). Ну, скажите на милость, ну, похожъ ли я на Готентота.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Такъ вотъ чему научилъ васъ вашъ другъ!.. Такъ къ этакимъ-то мѣрамъ вы прибѣгаете! (*съ досады плачетъ*). О, Боже мой, Боже мой! Убийца, вадалъ, вампиръ!.. Завтра, завтра срокъ. . моя просьба, просьба, просьба... вся исначкана... ни одного листа живаго не осталось... Охъ, я умираю, умираю, умираю... (*опускается въ обморокъ, въ кресло*).

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (*струхнулъ и суетится*). Она сказала «умираю.» Что, если... да штъ, вздоръ... это такъ, притворство... ну, а если... въ самомъ дѣлѣ?.. (*подходитъ тихо къ женѣ и допрашивается до головы (въ погласа)*). Марья Семеновна!..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*вскочивъ съ кресла, съ крикомъ*). Подите прочь, убійца... Готентотъ!..

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (*отскочивъ*). Э!.. бранится: ну, жива, жива, живехонька.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*опускаясь въ кресло, стонетъ*). О, Создатель Небесный!.. Что я стану теперь дѣлать?!.. Завтра срокъ... завтра утромъ надо подать .. я разбита, убита, околѣжена, обезелавлена...

Егоръ Петровичъ (*особо вполголоса*). А вѣдь , пожалуй , она и вправду страдаетъ... Чортъ ихъ тутъ разберетъ , кто правъ , кто виноватъ... (*зъ сценой раздается веселый напѣвъ Катю: тра-ла, ла, ла .. тра-ла , ла, ла...*). Тесъ... А!.. это моя штатка поспѣшиваетъ ко мнѣ на выручку... гмъ , гмъ... приободряйся...

II.

Тѣже и КАТЯ.

КАТЯ (*вбѣгаетъ съ картиной въ рукахъ*). Тра-ла, ла, ла... Наконецъ-то я кончила, кончила... посмотрите, похвалите... здравствуй папа!

Егоръ Петровичъ. Здравствуй дружокъ! здравствуй Катонокъ!..

КАТЯ. Чтожь ты, папа, не поцѣлуешь меня за мою картину? не похвалишь меня?

Егоръ Петровичъ. О, изволь, Каточникъ... (*цѣлуетъ*). Картина твоя... то-есть разлюли...

КАТЯ. А мамаша?... а! вотъ она... бонжуръ мама!.. (*цѣлуетъ ее*). Да что ты, мамаша, спишь или грустишь?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*слабымъ голосомъ*). Здравствуй!.. Но зачѣмъ ты такъ рано...

КАТЯ. О , мамаша , я давно уже на ногахъ .. была въ паркѣ , въ рошѣ , въ саду , на фермѣ... вездѣ , вездѣ... проводила въ поле свою козочку... дорисовала ландшафтъ!.. чудо, прелесть!.. папаша не налюбуется... я не себя хвалю — нѣтъ, но этотъ сельскій видъ — очаровательный видъ! къ тому же я его оживила... но ты , мамаша , не слушаешь меня...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*также*). Я не совсѣмъ здорова , другъ мой, и совѣтую тебѣ...

КАТЯ. Какъ , мамаша , вы нездоровы — и не скажетесь мнѣ?... вамъ , вѣрно , дурно? да , дурно?... постойте , у меня съ собой капля (*шаритъ въ карманъ*) гдѣ они... ахъ , вотъ... нашла... вотъ , мамаша, капли... понюхайте... еще, еще...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА Довольно, довольно... оставь меня.

КАТЯ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не оставляю, ни за что не оставляю, какъ можно! долго ли до бѣды!.. понюхайте еще... вотъ такъ... ну, что, теперь лучше, лучше?..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Лучше, лучше... не безпокой себя...

КАТЯ. Ахъ , мамаша , и вы это мнѣ говорите!.. это мой долгъ,

моя обязанность... Папа! и вамъ не стыдно! вы здѣсь — и молчите, какъ будто васъ нѣтъ... Отчего мамашѣ душно?..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*нѣжно, но слабо*). Да полно тебѣ, хлопотунья!..

КАТЯ. Скажите, папа, отчего?

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. А вотъ, взгляни на столъ, на бумаги...

КАТЯ. Ахъ, мой Богъ, какъ же это случилось?

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Должно быть... какъ-нибудь... нечаянно... кошка...

КАТЯ. Ха, ха, ха... кошка!? какая кошка... у насъ, кажется, нѣтъ кошекъ...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*выпрямляясь, съ твердостью*). Нѣтъ, это не кошка, это сдѣлала — собака.

КАТЯ. Моя амишка?.. А! хорошо же, мой дружокъ! Я не дамъ тебѣ сегодня сладкихъ прожковъ, не дамъ сливковъ, поставлю въ уголь... ты будешь у меня служить день и ночь... посажу тебя въ карцеръ... (*звонитъ*) Лиза, Маша, Матрена! (*дѣвушки являются изъ разныхъ дверей*). Принесите мою амишку, да поскорѣй... (*дѣвушки уходятъ; между тѣмъ Егоръ Петровичъ и Марья Семеновна хохочутъ въ платокъ*). Ахъ, ты негодная собаченка!.. ты осмѣлилась портить мамашины бумаги... я тебя привяжу... непременно привяжу на цѣпь... (*дѣвушки приносятъ собачку*). Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!.. поставьте ее въ уголь... вотъ такъ... ступайте... (*дѣвушки уходятъ, а Марья Семеновна и Егоръ Петровичъ хохочутъ громко и открыто*) чему же ты смѣешься, мамаша?.. и ты, папа?.. (*посмотрѣвъ на отца и на мать, Катя сама расхохоталась*). Ахъ, какая я въ самоѣ дѣлѣ глупенькая. И не замѣчаю, что мамаша нарочно прихворнула.. и вѣрно для того, чтобы испытать меня. Ахъ, милая, добрая мама, неужели ты сомнѣвалась въ моемъ участіи?!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Дай себя разсѣловать, дружокъ мой?

КАТЯ. Ну, вотъ теперь мы и помирились; а все-таки я накажу мою амишку.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*смѣясь*). Не наказывай: она не виновата.

КАТЯ. Однако жъ... ваши бумаги запачканы... А! прекрасно (*вытираетъ пятна носовымъ платкомъ*)!..

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Что ты дѣлаешь?

КАТЯ. Вытираю, вычищаю... у насъ; въ пансіонѣ, всегда такъ дѣлали... а вотъ теперь просушу... (*бѣжитъ къ растворенному окну и*

незамѣтно для матери, которая продолжаетъ смѣяться, бросаетъ бумагу за окно). Ахъ, Ахъ! (притворно испугалась).

Егоръ Петровичъ (особо и тихо). Браво, браво, моя крошка!..

Марья Семеновна. Что съ тобой, Катя? Гдѣ бумаги?

Катя (жалобно). За окошкомъ... вѣтромъ... ихъ разнесло...

Марья Семеновна (особо). Этого еще не доставало! О, какой несчастный день!.. Поди ко мнѣ, Катя... посмотри мнѣ въ глаза... прямо... что это — вѣтренность, шалость, или... намѣрение?

Егоръ Петровичъ. Посмотримъ, какъ-то вывернется мой кудрявиный Каточикъ... А плутовка же она, сильная плутовка!

Катя (медленно и робко подходитъ къ матери). Прости меня, мамаша.

Марья Семеновна. Я тебя спрашиваю...

Катя (Какъ бы робко). Да... твои бумаги... я ихъ бросила .. съ намѣреніемъ...

Марья Семеновна (встаетъ и подходитъ съ Катей къ самой рамѣ). Что ты сказала, мой другъ?!

Катя. Съ добрымъ, мамаша, намѣреніемъ, съ полезнымъ намѣреніемъ, и для тебя и для всѣхъ насъ...

Марья Семеновна (особо). Я въ себя не прійду... Объяснись, Катя... Егоръ Петровичъ, удались на минутку...

Егоръ Петровичъ. Это къ чему? Надѣюсь — у дочери нѣтъ секретовъ отъ отца.

Катя. Ни какихъ, ни какихъ (подаетъ матери кресло, сама же, когда та села—становится передъ нею на одно колено). Мамаша!.. добрая, милая маменька? скажи мнѣ откровенно: любишь ли ты меня?

Марья Семеновна. Конечно, другъ мой, но...

Катя. И горячо любишь?..

Марья Семеновна. Отъ всей души, но...

Катя. И желаешь мнѣ добра и счастья?

Марья Семеновна. Къ чему всѣ эти вопросы?

Катя (съ теплотою). Когда я, оставивъ Петербургъ, спѣшила домой... къ моимъ родителямъ, въ твои объятія, добрая мамаша, — я не знала мѣры моей радости, я была весела, какъ Божія птичка, и спокойна... мое сердце билось однимъ только чувствомъ — чувствомъ искренней привязанности и любви къ вамъ... Вчерашній день разрушилъ мое спокойствіе... О, добрая маменька, не упрекай меня, выслушай мое признаніе безъ гнѣва... не сердись... да, вчера я испытала, въ пер-

вый разъ въ жизни, чувство горя и разочарованія... вчера я узнала... онъ мнѣ сказалъ все, все...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Кто?.. что?.. ты меня пугаешь...

КАТЯ. Тотъ умный, благородный молодой человекъ, котораго ты назвала... сумасшедшимъ...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Скворцовъ!?! вы видѣлись?!

КАТЯ. Случайно, случайно... я не забыла твоего совѣта — избѣгать съ нимъ встрѣчи... но — мы встрѣтились... я не могла бѣжать... и его разсказъ объ этомъ несчастномъ дѣлѣ...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Егоръ Петровичъ! вотъ послѣдствія вашихъ сношеній съ глупымъ старикомъ.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Марья Семеновна! вотъ послѣдствія вашихъ отношеній къ доброму старику.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Итакъ, другъ мой, Катя, ты узнала — и очень за меня встревожилась?..

КАТЯ. Милая маленька! я у васъ одна, и ваша единственная дочь... я прошу, умоляю, заклинаю тебя, во имя всего прекраснаго и дорогаго для тебя — не откажи мнѣ въ бездѣлницѣ... это такъ легко для тебя... прочитай, хоть изъ одного любопытства прочитай письмо, которое писалъ къ тебѣ больной, умирающій старикъ Скворцовъ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. (особо). Еще новость! Егоръ Петровичъ!

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Марья Семеновна! вы письмо разорвали и бросили, — я подобралъ, собралъ, склеилъ, и теперь оно въ рукахъ нашего Каточка.

КАТЯ. Я не встану, я буду стоять на козляхъ до-тѣхъ-поръ, пока ты...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ахъ, Катя, Катя, какъ ты еще неопытна, мой другъ; какая ты еще простенькая пансіонерка!.. Но такъ и быть, я исполню твое желаніе—дай письмо.

КАТЯ. (встала). Ахъ, какая радость! какое счастье!.. мамаша, я обожаю тебя! на, читай...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. (встала съ креселъ и читаетъ письмо, всторонь отъ Кати; между тѣмъ Катя, весело пошептавшись съ отцомъ, уходитъ со сцены, но скоро возвращается въ сопровожденіи Сергья Иваныча, потомъ входятъ Тимофеевъ, Матрена и Алена Петровна). «Милостивая государыня, Марья Семеновна! Судь рѣшилъ наше дѣло въ мою пользу. Впрочемъ, такъ «тому и быть должно, потому-что справедливость на моей сторонѣ. Земля «и дѣсь, которыми вы неправильно владѣли 13 лѣтъ — возвращены «мнѣ...»

О судьи, судьи!..

«Сверхъ того мнѣ предоставлено искать на васъ убытки, которыхъ насчитывается до 100,000 рублей...»

О Боже мой, завтра срокъ апелліици, а она вотъ гдѣ!.. когда я успѣю написать новую!..

«Но неужели вы думаете, что я воспользуюсь этимъ рѣшеніемъ и раззрю васъ...»

Какъ? Что?

«Съ меня довольно и того, что я доказалъ вамъ формальнымъ образомъ вашу ошибку.»

Какая мягкость въ выраженіяхъ!

«Я жестоко боленъ, въ параличѣ — и причиной тому наше дѣльцо, — доктора вырыли ужъ мнѣ могилу... Такъ пусть же пашни п лѣсь, къ которымъ издавна привыкли ваши мужлячки, остаются по прежнему въ вашемъ попеченіи... Согласны ли?..»

Какъ?!.. Онъ предлагаетъ, отдаетъ мнѣ все!.. Это чудо, чудо... И какъ я заблуждалась на счетъ...

«Если согласны, то между нами всякій споръ конченъ, кромѣ одной кожъ одного обстоятельства: посмотрите хорошенько на подателя моего письма; этотъ молодецъ будетъ подъ пару вашей красавицѣ. Дѣти назывались когда-то въ шутку жепухомъ да невѣстой. Обратимте же эту шутку въ дѣло — и я умру спокойно. Жду отвѣта.»

Я въ себя не приду!.. Онъ, этотъ человѣкъ, котораго я считала... Ахъ, какъ я заблуждалась на счетъ... О, Боже мой, Боже мой!.. *(она прикладываетъ руку ко лбу, обнаруживаетъ непомятую чувствительность, всхлипываетъ почти истерически и наконецъ, съ помощью дочери, погружается въ кресло)*. Нѣтъ, я не въ силахъ, не въ силахъ достойно оцѣнить такого великаго поступка!.. Дочь моя!.. моя единственная дочь! обними меня...

Катя. О, какъ я счастлива! мамаша, душечка!..

Марья Семеновна. Егоръ Петровичъ!.. мой добрый супругъ!.. обними меня...

Егоръ Петровичъ. *(особо)*. А! теперь обними, а давича — поди прочь, поди прочь!.. Обнимемся, жена!

Марья Семеновна. Охъ, какъ я заблуждалась на счетъ...

Егоръ Петровичъ. Охъ, какъ ты заблуждалась..

Катя. Мамаша, къ намъ пожаловалъ въ гости Сергѣй Ивановичъ Скворцовъ.

Марья Семеновна. Сергѣй Ивановичъ, обними меня!..

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Со всею готовностію: вѣдь я ужъ больше не сумасшедшій.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Охъ, какъ я заблуждалась на счетъ ..

КАТЯ. Мамаша, Тимофенчъ желаетъ поцѣловать вашу ручку.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Тимофенчъ, обними меня!

ТИМОФЕНЧЪ. Только ручку вашу, барыня, только ручку.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Охъ, какъ я заблуждалась на счетъ... Сергѣй Иванычъ, ѣдьте сію-минуту къ вашему батюшкѣ... я обниму его...

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Батюшка просилъ васъ не беспокоиться; ему сдѣлалось нѣсколько полегче, онъ ужъ выѣзжаетъ—и сегодня вечеромъ будетъ у васъ, чтобъ лично получить ваше согласіе на...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Я на все, на все согласна... Охъ, какъ я долго заблуждалась на счетъ...

КАТЯ. Мамаша! и Матрена также желаетъ поцѣловать вашу ручку.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Матрена! обними меня...

МАТРЕНА. Только ручку вашу, матушка-барыня, только ручку.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Охъ, какъ я заблуждалась.

АЛЕНА ПЕТРОВНА. Ахъ, какія радости!.. Марья Семеновна, поздравляю, отъ души поздравляю.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Сестрица! обними меня... Ахъ, какъ я заблуждалась!..

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ. Ну, будущій зятекъ, Сережа, куда ты такъ намѣренъ... въ статскую, или въ военную?.. а?..

СЕРГѢЙ ИВАНЫЧЪ. Я ѣду въ наши южныя губернія, осмотрѣть, сколько можно, улучшенное сельское хозяйство, и на самомъ дѣлѣ, практически изучить агрономію; когда же возвращусь домой, то сдѣлаюсь сельскимъ хозяиномъ: такъ хочетъ мой отецъ

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ (*аплодируетъ*). Bravo, брависсимо! bravo, брависсимо!.. Ну, а ты, мой кудрявый Каточикъ?..

КАТЯ. Я... я... подожду возвращенія... Сергѣя Иваныча, и тогда вѣроятно сдѣлаюсь — помѣщицей...

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ (*аплодируетъ*). Bravo, брависсимо! . Жена, сестра, Сережа, Тимофенчъ, Матрена — всѣ за мной, разомъ... бра.. (*Всѣ, кромѣ Кати съ аплодисментомъ*). Bravo! брависсимо! Bravo, брависсимо!

К о н е ц ъ .

